

ВАХИД ГАЗИ

ЧАМАЙРА

Кубинская тетрадь

ВАХИД ГАЗИ

ЧАМАЙРА

Кубинская тетрадь

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. Рустам Ибрагимбеков:	
«Чамайра» Вахида Гази»	4
Свобода в отеле	6
Женщина в белом.....	17
Письмо от Нострадамуса.....	32
Чамайра	43
Святой нимб	54
Романтика сорокалетия	67
Путь слова.....	78
Страшное Гуантанамо	90
Радость конца	102

«Чамайра» Вахида Гази

У меня давно вызывает уважение способность талантливых публицистов строить свои тексты лишь на реальных фактах. Сам я в своих сочинениях всегда использую «допинг» в виде вымысла, и именно он придает им художественность. Это, как в прыжках в высоту – кто-то рассчитывает лишь на силу своих ног, а другой прибегает к допинговым таблеткам, чтобы легче преодолеть земное притяжение.

Читая Кубинскую тетрадь Вахида Гази, я порадовался тому, как описывая свое пребывание на острове Свободы, рассказывая о реальных людях, их жизни и проблемах, связанных с общей политической атмосферой в стране, автор сумел рассказать об этом с такой силой художественности, что сам стал главным героем повествования. И в результате читатель, вовлеченный в мир чувств и мыслей писателя, воспринимает его отказ от сексуальных услуг прелестной Чамайры, как собственную нравственную победу. Можно привести в качестве примера много других эмоциональных эпизодов, но важнее, мне кажется, то, что все произведение в целом на-

писано, как добротная художественная проза.

Удивительно и то, что за двадцать лет независимости Азербайджана, при всех особенностях существующего у нас демократического режима, сформировался тип человека с активным неприятием любых форм тоталитарно-авторитарного строя. Люди моего поколения, выросшие в стране, похожей на то, что увидел Вахид Гази на Кубе, относимся более спокойно к отсутствию элементарных свобод, где бы это ни происходило.

Общественно-политические убеждения автора книги «Чамайра» сквозят в каждой строчке, и они настолько искренни, что в них веришь безоговорочно. Такое возможно, лишь когда становишься соучастником описанных в книге событий. Именно это и произошло со мной.

И еще. Кубинская тетрадь насыщена интереснейшей информацией. И я, побывавший на Кубе и читавший об этой стране, узнал о ней много нового. Отраднo, что наша публицистика достигла уровня лучших образцов этого жанра. И Кубинская тетрадь Вахида Гази – убедительный этому пример.

Рустам Ибрагимбеков

Свобода в отеле

Вот уже второй вечер я тонул в мягком кресле, облакачивался на левый бок, когда уставал на правом, затем наоборот, возвращался в прежнюю позу, ища удобного положения, потягивал ром «Варадеро», вкуса которого еще не разобрал, слегка затягивался толстой сигарой с шоколадным вкусом и без устали провожал и встречал взглядом сквозь завесу дыма, напоминающую вуаль невесты, уходящих и приходящих. А другого выхода и не было, я нашел незаменимое занятие против скуки...

В толпе я никогда не скучаю. При том условии, чтобы никто со мной не имел дела, не пытался разговорить, не задерживал на мне взгляда, будто меня вовсе нет. По сути в столпотворении человек человека совсем «не видит», здесь все «слепы», как в муравейнике.

В студенческие годы я обожал вокзалы, а теперь не устаю в аэропортах, больших отелях. Здесь каждый подобен страницам захватывающей книги, которую ты читаешь, не успеешь перевернуть одну, как следует другая.

Фойе большого отеля похоже на зал аэропорта. И здесь люди проходят порознь,

вдвоем, втроем или целой группой. Странно то, что это на первый взгляд шумное пространство обладает своеобразной тишиной, тут можно найти покой, которого ты не находишь в другом месте. В толпе человек видит других не обособленно, а в виде групп, точь-в-точь как звук, в шумихе слышишь звуки не обособленно. Хаос звуков содержит в себе некую тишину. Может, безмолвие космоса вызвано хаосом звезд, откуда знать! Не знаю как у других, у меня же так: от встречи с одним человеком устаю быстро, но в компании могу сидеть часами. В комнате, где раздается лишь один звук, заснуть не могу, но если раздается много звуков, будь это хоть оркестр, засну, ей-богу.

Известный советский диссидент, выменянный в 1976-ом году на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана, которого режим Пиночета сделал политическим героем, Владимир Буковский, влившийся в свободную жизнь Европы после лагерей и «психбольниц» СССР, в один из последующих визитов в Москву на вопрос журналиста «Где бы вы хотели жить – в Кембридже или Москве?» ответил следующим образом: «В отеле!».

Прямо в яблочко. Я тоже обожаю отели. Может потому, что здесь всё делают за тебя,

к тому же чистенько и аккуратно. Лентяи аккуратно!

Один из самых больших отелей Гаваны «Havana Libre». Его внешний вид и история придают ему еще больше величия – до января далекого 1959-го года это место называлось «Hilton». Поднимаясь по ступенькам фойе в виде полумесяца на второй этаж, можно увидеть в широком коридоре фотографии на стене, повествующие об истории отеля. Кто только здесь не останавливался? От популярных джазменов 50-х годов до Валентины Терешковой, впервые согревшей космос женским дыханием, от писателя Эрнеста Хемингуэя до советского лидера Леонида Брежнева.

Поначалу кажется, что желудок быстро насытится выпивкой, легкие – сигарой, глаза – полуголыми женщинами. Но это не так, желание поразвлечься манит, как огни казино, аппетит всё разгорается. Если обернешься на игривый тон испанского языка, вонзающегося в ушные перепонки, как пулемётная очередь, и тут же увидишь горячую улыбку кубинской девушки цвета меди, то уши перестанут болеть, сердце станет биться чаще, глаза наполнятся светом.

Здесь всё просто, текуче, мужчины и женщины, шествующие в обнимку перед твоим хмельным взором, будто парят как райские ангелы, а ты их созерцаешь. Счастливые улыбки пар, чья разница в возрасте, расе, поле, тут же бросается в глаза, на первый взгляд могут показаться тебе искусственными, ну и пусть, это ничего не меняет, наоборот, создает особое единство различия. А ты получаешь от этого единства наслаждение, которого раньше не знал.

«Остров свободы», лишенный всяческой помощи после развала СССР, и качестве спасения открывший границы туристам, стал островом свободы в эротическом смысле этого слова – прибежищем свободы для влюбленных. Куба – территория туристов, ищущих любви, будто все старики мира съезжаются сюда в поисках молодых возлюбленных.

Одна женщина, которой уже за шестьдесят, но вопреки этому не растерявшая пыла, идет под руку с местным мулатом лет 20-25 и старается взять от жизни всё. А этой прекрасной девушке нет и двадцати, она обнимает за морщинистую шею старика, годящегося ей в деды, что напоминает взбирающийся на засохшее дерево зеленый плющ.

А мне всё это не по годам, я не гожусь ни в молодые любовники старухе, ни в старые дяди молоденькой девушке. Даже если подхожу, нельзя!

Я на работе. На дворе 2006-ой год. Мы приехали сюда не кутить, а поддержать борющихся с коммунизмом кубинских диссидентов, общественных активистов, семьи политзаключенных. Подобный визит в такую коммунистическую страну с серьезным режимом, как Куба, опасен. За каждым твоим шагом могут следить, поймают – пеняй на себя. Встрянешь в зубчатые колеса одной из самых отвратительных тюрем мира, станут допрашивать, повесят на шею что угодно и дадут срок. Местное телевидение без устали показывает и проклинает врага, желающего разрушить коммунистический режим. Правозащитные организации мира встанут на твою защиту, то есть сделают заявления. Надеяться на официальных лиц нашей страны не стоит, скажут «сам виноват, что туда сунулся». Наша оппозиция тоже выскажет что-то подобное, «здесь людям житья не дают, а он отправился на край света, если такой смелый пусть защищает тех, чьи права попораны, здесь»...

Меня проинструктировали следующим образом: «Жди, пока не придут друзья!», «Не

привлекай внимания!». «Не забывай, здесь местных шпионов больше, чем туристов!».

Морозная погода задержала рейсы, одну ночь пришлось провести в варшавском аэропорту, другую в парижском, затем ждать два дня в отеле, всё это требует терпения, для нетерпеливого человека это настоящая мука. Но надо было ждать, другого выхода не было.

Мне надо было ждать в фойе, пока не появится незнакомка, считавшаяся моим другом, и не принесет адреса местных диссидентов. Она должен был встретиться со мной не в номере, а при большом скоплении людей. Потому что никто не мог гарантировать, что в номере нет подслушивающего устройства либо камеры.

Которая – она в этом кишачем людском муравейнике? Бессмысленно определить невооруженным взглядом, поэтому думать об этом я перестал. Думать об этом было так же глупо, как искать свою звезду в гигантском скоплении светил. К тому же, это она должна была меня найти, потому что узнать меня должен была она. Вчера до полуночи я прождал здесь – месте, где просматривались все двери, открывающиеся в фойе.

А сегодня утром я первым делом отправился в зал отеля с вывеской «Интернет», чтобы написать домой письмо. Интернет здесь работает с 9-ти утра до 9-ти вечера. Не поверите, я потратил 45 минут для того, чтобы написать пару фраз. Задерживаться особо не стал – терпение было на пределе, к тому же стояла длинная очередь. Вернулся на свой пост, в свое кресло, расположенное в стратегической точке.

- Здравствуйте! – когда это красивая блондинка успела сесть со мной рядом, что я этого не заметил?! – Я Маша. Из Комитета по Правам Человека.

- Где это вы пропадали два дня?

- Мы вас видели, но подойти не могли. Не оборачивайтесь ко мне. Здесь их полно.

- Но ведь я их не вижу!

- Вам их не узнать. Именно из-за них мы не смогли к вам подойти вчера вечером... Я выхожу на улицу, следуйте за мной через пять минут. Спускайтесь вниз по левой улице, не оглядывайтесь, поверните налево на первом повороте, стойте и ждите.

Всё было как в фильмах-детektивах. Она процеживала слова так, будто доставала их из морозильника – тело охватывал озноб. Но моя вера в то, что ситуация вовсе не плачевна, приносила спокойствие в душу. Куба

уже не та, Фидель уже не тот, чтобы следили за каждым приездом, шпионили за каждым. Сюда съезжается миллион туристов.

Во всяком случае надо прислушиваться к более опытным.

В ночном мраке я шел навстречу к оглушающей и смердящей тишине чужого города. Машин вокруг не было, но в воздухе висел запах выхлопных газов. Дым от старых автомобилей 40-50-х годов прошлого века развеивается нескоро. Так как революция закрыла двери, страна лишилась контакта с остальным миром, большинство здешних машин дореволюционные. Старые автомобили – бренд Кубы, об этом подробнее я напишу позже. А сейчас я ступаю осторожно, стараясь не задеть консервные банки и другой мусор, чтобы не издавать лишних звуков.

На углу, в неосвещенном месте стоит прежняя девушка. Стоящего рядом с ним человека – своего старого знакомого-москвича я тут же узнаю по силуэту. На сердце отлегло. Здороваясь со своим хорошо сохранившимся старым знакомым, «отсидевшим» с такими известными советскими диссидентами, как Андрей Сахаров, Мустафа Джамилев, я на секунду вспомнил «непривычные пары» в отеле: «Этот тоже с молоденькой девушкой».

Разговор особо не затянулся. После короткого приветствия он сунул мне в ладонь бумажку:

- По этому адресу проживает семья известного диссидента. Сам он в заключении. Есть и телефон. Но звонить не надо, могут прослушивать. Лучше сразу отправиться к ним домой. Его жена из «тех, кто носит белое платье». От нее получите адреса остальных друзей. Остальное знаете сами. Удачи!

«Женщины в белом» самое известное женское политическое движение Кубы. Здесь собраны женщины, чьи мужья, сыновья, братья арестованы по политическим мотивам. Они с головы до ног одеваются в белое, берут белый зонтик и проводят пикеты протеста.

Мои друзья повернули вниз, постепенно тая во мраке. Лишь распрощавшись с ними я почувствовал, что устал. С трудом волочил ноги, будто пудовые гири. Бумажку с адресом спрятал во внутреннем кармашке.

Я вернулся в отель. Настроение поднялось. После долгих переживаний мне становится легче, настроение улучшается. Но я не забыл побрызгать в сердцах на старика: «Играет со мной в агентов. Бог знает, чем он занимался два дня с этой девушкой. Будто за

ними следят... Зачем он привел сюда эту девушку?! Этих русских не поймешь, разве «едут в Тулу со своим самоваром?» Но чертовка красива, за эти два дня в отеле такую я не встретил. Пусть говорят что угодно, но самые красивые женщины в России. В прошлом были популярны халебские красавицы. Халебских я не видал, говорю то, что видел».

С Сашей (так звали того мужчину) мы были знакомы давно. Впервые его я увидел в Крыму, нас познакомил лидер крымских татар Мустафа Джамилев. Мустафа бей провел в заключении в общей сложности 17 лет. Единственной его виной была защита прав своего народа, депортированного со своей исторической родины. Саша в советские годы тоже был арестован за свои политические взгляды. Теперь такие люди считают своим долгом поддержку борцов за свободу во всем мире. А я в советские годы особой смелостью не отличался, просто они мне нравятся, именно это и привело меня сюда.

Я открыл дверь номера и вышел на балкон. Центральные улицы города были освещены, но в некоторых кварталах слабо светились лампы. Вершина памятника на площа-

ди Хосе Марти доходила высотой до 19-го этажа, где я находился. 23-я улица, берущая начало издали, проходила мимо отеля и упиралась в залив. Теплый воздух с Атлантического океана окроплял в ночной прохладе росой улицы Гаваны. Я словно ощущал на полуголом теле мельчайшие крупинки каждой росинки.

Беззаботность – вот самое отличное ощущение, даруемое номером в отеле. Я изо всех сил потянулся в мягкой постели и так громко охнул, что чуть ли не испугался собственного рева. «Буковский был умен!». Сначала я вспомнил его ответ журналисту, а потом и самого. Я познакомился с ним в 1998-ом году на III Международной Конференции по Правам Человека, проведенной в Польском Сейме в Варшаве. Мы немало проговорили, а в памяти остались следующие его слова: «Демократическая борьба – долгий процесс. Независимость еще не означает свободу. Вам придется нелегко. Беды от нефти обрушатся на вас потом».

Умный человек, что еще добавить. Ему было известно будущее нефтяных стран, где нет демократии, а еще он испытал даруемое отелем чувство свободы.

Укутавшись в свободу номера в отеле, я погрузился в сон...

Женщина в белом

...Солнце декабрьским утром 2006-го года было занято тем же делом, которым занималось миллионы лет; оно неспешно растегивало грудь ночи, затем обвивало ее шею, нежно прижимая к себе. От этого слияния рождался в мир белейший, чистейший свет. Свет робко искал себе места на Земле. Из неприкрытого занавеской оконного угла один из его лучей полз по направлению к моей постели. Тяжесть сна таяла по мере того, как этот луч касался моего лица.

Свет солнца прокрадывался воровато, но глаза мои заполонил внезапно.

Я протер глаза, отгоняя остатки сна. Поднялся, не обращая внимания на утомленность мышц и суставов. Отодвинув занавеску, вышел на балкон. Солнечный свет залил мое тело с головы до пят. Солнечные лучи словно развели большой костер в бескрайней широте океана, воды алели пламенем, дыхание «костра» лизало мне лицо, согревало всё мое существо.

Вид, открывавшийся с балкона отеля, был занят с одной стороны Мексиканским заливом, с другой – Гаваной. Утро с той сторо-

ны океана пришло разбудить город. Каждый квартал, каждая улица города отчетливо просматривалась, будто тот был разложен на столе, как географическая карта. Здесь «солнце коммунизма» взошло не с севера, как некогда у нас, а оттуда, откуда и должно было – с Востока. Взошло, чтобы даровать целому острову, его жителям свет, стать маяком на пути к счастливому будущему. Чтобы вывести к светлому будущему миллионы людей. Эх, если бы каждый новоявленный свет делал человека счастливым бед было бы меньше...

Сегодня мне предстояло встретиться с одним из тех миллионов.

Я вернулся в комнату и оделся, с трудом достал двумя пальцами из тесного глубокого кармашка брюк бумажку с адресом. В Гаване адреса пишутся не так, как в Баку, наряду с номером дома и квартиры также отмечается на пересечении каких двух улиц расположено здание.

Переводчика Эльнура я нашел в ресторане. Его самолет прилетел в полночь, потому увидеться мы не смогли. Эльнур окончил университет в этом году, знает несколько языков. Найти испаноязычного переводчика

в Баку нелегко. Мне повезло. Ему тоже. Ему подвернулся отличный шанс усовершенствовать свой испанский.

Мы встретились в условленное время возле наружных дверей отеля, чтобы отправиться на поиски нашего неизвестного героя. Прошли мимо улыбающихся нам таксистов, будто их и не видели. Такси в Кубе принадлежат государству. Немало и тех, кто пользуется личными автомобилями в качестве такси, но эти машины очень потрепанные. Вообще, здесь большинство составляют американские автомобили 1940-50-х годов и советские 60-80-х. Единственной причиной того, что машины десятилетиями остаются в одной и той же семье является то, что люди не имеют права продать личные машины, поэтому передают из поколения в поколение.

Мне говорили, что таксисты здесь сотрудничают с органами госбезопасности. Поэтому я сказал другу: «Машину мы поймаем по дороге». Мой молодой друг, увидевший коммунизм воочию, счел меня опытным и с радостью соглашался с моими словами, получал наслаждение от того, что является участником исторической миссии.

Допотопный «Chevrolet» мчался по улицам Гаваны, пуская из глушителя темно-

синий дым. Водитель что-то тараторил, заливался соловьем. Не знаю, каким чудом Эльнур различал его скороговорку от ритмической «Мамбы», гремевшей в салоне.

Я не понимал, но видел: его слова интересны Эльнуру, который часто задавал тому вопросы. Эльнур заметил, что на зданиях нет спутниковых антенн. Водитель объяснил это тем, что спутниковые антенны на Кубе запрещены, нарушение карается тюремным сроком. В некоторых случаях люди тайком устанавливают такие антенны. Но органы госбезопасности могут быстро их вычислить с помощью специальных приборов. Да, Эльнур начинал свое первое знакомство с коммунизмом. Я с интересом за ним наблюдал, как сын советского народа, некогда испытавшего это «счастье».

Мы сошли с машины за два угла от того места, куда направлялись. Я не хотел, чтобы водитель знал по какому адресу мы пришли. Прошлись немного пешком.

Ведадо – жилой квартал Гаваны, состоящий из похожих друг на друга двухэтажных зданий. Живущих в этой части города можно отнести по социальному статусу к средней прослойке. Здесь наряду с этими «среднячками» проживают и «стражи революции». По сути и они простые кубинцы, только немного другие.

В каждом кубинском квартале есть контора «стражей революции». Контора чем-то похожа на наш ЖЭК, но неофициальная ее функция – держать жителей под контролем, сообщать в политическую полицию о подозрительных делах. Их долг замечать опасность для революции и сообщать в соответствующие органы, но они суют нос и в другие дела. Одним словом, опасные люди, лучше держаться от них подальше. Трещины в судьбе людей, вызванные страхом и подозрением, знакомы нам по эпохе большевизма тридцатых годов – ни на кого нельзя полагаться, даже на членов семьи.

Адрес мы нашли, оставалось зайти в здание не привлекая внимания. Даже малым детям было очевидно, что мы не местные. Мы были одеты как туристы, это не могло не привлечь внимания, потому что туристы здесь запросто не появлялись.

На балконе второго этажа развешивала белье привлекательная женщина. Выглядела она доброжелательно, задержав на секунду руку она посмотрела на нас с милой улыбкой, как на старых знакомых, так что я на мгновение растерялся. Вне всяких сомнений – она была прекрасна.

Мы миновали здание. Требовалось время для того, чтобы уточнить адрес, проверить не

заперта ли дверь блока, одним словом, прояснить ситуацию. Когда мы возвращались обратно, женщина на балконе посмотрела на нас еще более внимательно.

- Она! – сказал я.

- Откуда знаешь? – Эльнур впервые сомневался в моем опыте.

- Интуиция. Это здание, где живет известный диссидент. Такие, как мы, наверно, появляются здесь не редко.

- Значит, за нами следят...

- Не подавай виду! Спроси-ка!

Эльнур обернулся на 360 градусов и будто бы оглядел всё вокруг с заинтересованностью туриста. Затем обратился к женщине на балконе. Насколько я понял он сказал следующее: «Здравствуйте. Нам нужна госпожа Дальдаго!». Казалось бутоны охапки роз на балконе пришли в движение по божественному волшебству, улыбка женщины распустилась как лепестки розы. Ее пленительные, большие, сияющие глаза улыбнулись. Она указала рукой на блок и вежливо промолвила: «Поднимайтесь к четвертой квартире».

Она открыла дверь и пригласила нас внутрь. Указала место на старинном диване из черной кожи, развесила последнее белье и убрала ванну. После легкой уборки сняла

фартук. Познакомила нас с молодой девушкой, будто пришедшей спросонья, и смеясь прошла в боковую комнату. Если б не сказала, что это ее дочь, я подумал бы, что это ее сестра либо какая-нибудь другая ровесница.

Спустя несколько минут она привела в порядок волосы, лицо, одежду и вернулась с двумя чашками кофе. Поставила чашки на маленький столик и села напротив в кресло «Гизелла Дальгадо». Она представилась таким образом. Если бы она сидела молча, могло бы показаться, что ты находишься лицом к лицу с прекрасной восточной женщиной. Большие глаза делали ее похожей на известную певицу-южанку Гугуш¹. Лицо без морщин было гладким. Упругость кожи шеи, плеч, рук говорила о свежести ее тела. А свежесть тела второй внешний признак жизненной силы у женщин после блеска глаз.

Она была в зеленой кофте-безрукавке с открытым воротом и длинной юбке. Ее красота бросалась в глаза и без всякой косметики. Пропорции ее тела не были привычными нам пропорциями женщины, являющейся

¹ Иранская певица и актриса азербайджанского происхождения. В 70-х годах была одной из самых популярных певиц и актрис Ирана. Хорошо известна также в Турции, Закавказье, США, Средней Азии. В СССР стала известной благодаря фильму «Долгая ночь».

матерью девушки лет двадцати. Если б не легкая седина, я бы и ее принял за молодую девушку. Наверное, подумал я, эта девушка дочь ее мужа от первого брака. Однако наутро я узнаю, что ошибался.

Разговор завязался с первых же слов. Через час со стороны могло бы казаться, что мы знакомы добрую сотню лет. Ее дочь Жизель нашла на карте Азербайджан, удивляясь тому, как он далек, и поглядывала на нас как на экзотических существ. Она не сводила глаз с Эльнура. Как только возникали небольшие паузы в беседе с ее матерью, она встревала с вопросами.

Кофе я выпил в три глотка. Сладость его напоминала кофе, который заваривают крымские татары. Я встал и не переставая беседовать снимал ее с разных ракурсов, старался поймать интересные моменты.

Жизела специалист по компьютерам. Но работать в этой сфере ей запрещено. Причина проста – жена политзаключенного, «врага народа» работать не должна, к тому же с такой стратегической техникой как компьютер.

Ее муж – физик по профессии, знаменитый диссидент. За продолжительную и резкую критику Кастро в зарубежной прессе он осужден на двадцать пять лет. Отсидел пока

четыре. На Кубе двадцатипятилетний срок дело обычное. Если бы движение «Женщины в белом», членом которого является и Жизела, не подняло бы голос протеста на весь мир, возможно ее мужа осудили бы на смертную казнь как «изменника родины» либо дали бы пожизненное.

Движение «Женщины в белом» организация женщин, чьи отцы, братья, мужья, сыновья являются политзаключенными. После акций протеста этого движения надевать белое платье запрещено. Но всегда находятся протестующие, не боящиеся этого запрета. Однажды я встретил на улице такую женщину. Когда я захотел ее сфотографировать она умчалась, будто выпорхнувшая из гнезда птица. Мне удалось снять лишь один кадр, на снимке во всей наготе страх в ее глазах, уставившихся в объектив.

Кубинская тюрьма считается одной из самых жестоких в мире. Не каждому суждено выйти живым и здоровым из этого кишачного тысячами заболеваний места – цитадели пыток и унижений. Учиняемые здесь пытки сравнивают с фашистским гестапо и НКВД большевиков. Жизела тоже беспокоится о здоровье своего мужа. Говорит, что тот недавно вышел из карцера. Ноги опухли,

идти не может. Мексиканские друзья прислали лекарство, она отнесла в тюрьму, но мало надеется на то, что оно дойдет до мужа.

В это время Жизелла подходит к клетке на стене. Привлекает наше внимание тем, что ласково обращается к птицам и кормит их. Говорит, что когда кормит их ей кажется, что она ухаживает за больным отцом в заключении.

Жизелла учится в Гаванском Университете, естественно, не на факультете дипломатии, куда она хотела, а на факультете, рекомендованном государством. Дочери диссидента не дадут стать дипломатом. Когда мы спросили о причине, она с готовностью принялась нам рассказывать, будто ждала этого вопроса. Мы узнали, что Гаванский Университет основан в 1793-ем году. У него 55 факультетов, звучит невероятно, но это так. Образование на Кубе обязательное. Уклонение от образования преследуется по закону. Родителей учеников, не ходящих в школу, ждет заключение до четырех лет. Одним словом, учиться должны все, но право выбирать специальность за государством. И ее специальность выбрал сам университет.

Затем Жизела познакомила нас со своей библиотекой. Она – координатор 137 общественных библиотек, функционирующих во

всех уголках страны. Здесь самая большая библиотека. В Кубе библиотеки заменяют НПО. Теперь осталось 83 библиотеки. Остальные закрыло правительство. Политическая полиция время от времени очищает эти библиотеки от «ненужной литературы». Во всяком случае, здесь можно набрести на интересную книгу, которую не встретишь в государственной библиотеке.

Политическая полиция вроде призрака для диссидентов, их семей, и в целом для тех, кто занимается общественно-политическими делами. Компьютеры, принтеры, печатные машинки, политическая литература из ряда тех вещей, которые совсем не по нраву полицейским. Так что, время от времени они устраивают облаву и забирают эту технику.

Я выразил беспокойство тем, что наш визит создаст для них угрозу. Она ответила, немного повысив голос: «Всё равно правительство считает каждого, кто встречается с иностранцами, оппозиционером. Вы пришли в гости, если не желают нашей встречи, пускай дадут себе труд поставить в дверях караул. Они знают о визите таких друзей, как вы. Возможно, придут после вашего ухода». Она произносила эти слова так отчетливо, будто пыталась их до кого-то донести. Мо-

жет, она знала: в квартире есть «жучок» и без всякой боязни доносила свои слова до тех, кто этот «жучок» установил. После этого разговора я решил отдать привезенные для нее ноутбук, политическую литературу на испанском, диски с фильмами и DVD-плеер при встрече завтра в городе.

Назавтра мы встретились с ними в нашем отеле «Havana Libre» и пригласили на обед. Местному населению запрещено без разрешения входить в места с туристами. Жизела каждый день проходила мимо этого отеля, но до сих пор не находилась внутри. Они могли зайти внутрь, так как пришли с нами. Я спросил, насколько это для них рискованно и предложил сходить в другое место. Она сказала, что повсюду одинаково, всё равно узнают где мы обедали с иностранцами. «Если вы боитесь – другое дело, я их не боюсь», - сказала она, со смехом открыла дверь отеля и уступила нам дорогу. Они впервые видели отель изнутри, смотрели вокруг так зачарованно...

Больше всего их изумили цены в меню. Эльнур переводил беседу матери и дочери шепотом, будто боясь: «Они ничего не хотят

есть, говорят, самое дешевое блюдо здесь стоит как месячная зарплата одного кубинца». Мы настаивали. Можно сказать, они ничего не говорили, сидели молча. Без всяких сомнений, здесь все – от официанта до швейцара – сотрудничали с органами спецслужб. Так что, пришлось говорить мне.

Я рассказывал им об Азербайджане, его истории, борьбе за свободу, Карабахской войне, нынешнем положении. Они слушали внимательно, порой задавали вопросы. По мере того, как исходя из ее вчерашних слов и сегодняшних вопросов росла моя уверенность в том, что Жизела обладает широким мировоззрением, мое удовольствие от беседы с ней тоже росло. (Вообще, беседа с умными женщинами всегда приятна, если такая женщина вдобавок красива, можно к ней привязаться не только умом, но и сердцем.)

Она была начитана. Больше всего ее интересовали борьба народов за свободу, демократию, в особенности польское движение «Солидарность», проблемы посткоммунистических стран в переходный период. Из ее вопросов я решил, что больше борьбы с существующим режимом ее заставляет задуматься положение после свержения режима. Она задавала вопросы о политических свободах в быв-

ших советских странах, многопартийной демократии, политической активности граждан, свободе прессы и выборов. Мои ответы ее удивляли. В ее представлении большинство постсоветских стран, включая Азербайджан, за эти годы должны были немало продвигнуться вперед. Я говорил ей о том, насколько трудным процессом является построение демократического общества, что для этого требуются долгие годы и новые поколения. Выслушав меня до конца, она задала неожиданный вопрос: «А чем в таком случае ваша страна отличается от Кубы? Стоило ли столько бороться и жертвовать для этого?».

В тот день я не стал отвечать на ее вопрос, пообещал написать пространное письмо. Жизеле разрешалось раз в месяц отправляться в информационный центр в посольстве Швейцарии, ее выход в интернет мог осуществляться именно в это время. Она могла читать и отвечать на письма лишь там.

...Прощаясь, она обняла нас как старых друзей. Какой она была простой, искренней... Люди в бедных, закрытых странах такие. Глаза у них тоже чистые, так что можно разглядеть самую глубину. Невозможно

передать взоры этих людей на тех, кого они считают счастливее и свободнее себя, это надо видеть. Это так знакомо тому, кто видел как советский человек некогда смотрел на европейцев, американцев. На мгновение я счел себя счастливым гражданином той далекой для Жизелы свободной страны за океаном. Прекрасное чувство. Но жаль – это лишь чувство, такое же мимолетное, как беглое облако в просвете листьев...

Я обнял ее за плечи и взглянул в глаза: «Ваш муж скоро выйдет на свободу. Не останется там не то, чтобы на 21 год, но даже на 21 месяц».

Воздействие твоего утешения зависит от того, насколько ты сам способен поверить в собственные слова...

Мой первый краткосрочный визит на Кубу закончился таким образом. Вернувшись в Баку, я написал ей длинное письмо. Письмо, которое впоследствии будет переведено под заголовком «К женщине в белом» и разойдется в демократическом сообществе Кубы.

Письмо от Нострадамуса

Долгое время от «женщины в белом» не было вестей. Может, письмо не дошло или ей запретили ходить в интернет-центр посольства?! Другие причины в голову не приходили. У нее было разрешение раз в месяц пользоваться интернетом посольства. Каждый раз она с нетерпением ждала того дня. Слежка органами спецслужб за ее электронной почтой была маловероятной, во всяком случае, посольство наверняка предприняло серьезные меры по информационной безопасности. Значит, есть какая-то другая серьезная причина.

Письмо мое, по сути, было большой статьей – пространным текстом на 15 страниц под названием «К Женщине в белом». Трудился я над ней десять дней. Выходило, что и мой труд и деньги, данные на перевод, пошли насмарку. Лишь потом я узнаю: Комитету по Правам Человека понравилось это письмо и он решил распространить его среди кубинских активистов. В отличие от азербайджанской прессы, где появлялись мои публикации, за этот текст дадут приличный гонорар. Всему этому еще предстояло свершиться.

Письмо было ответом на вопрос Жизелы после моей длинной речи об Азербайджане во время обеда в отеле «Navana Libre». А вопрос простым не являлся: «В чем тогда отличается ваша страна от Кубы? Стоило ли ради этого столько бороться и жертвовать?».

Краткое содержание письма было таким:

«Здравствуй!

Сейчас я более подробно задумываюсь о различных темах, затронутых всего при двух встречах с тобой, вспоминаю с приятным впечатлением эти интересные беседы. Наряду с этими приятными воспоминаниями я не забыл о своем обещании ответить на твой последний вопрос, адресованный мне: «В чем тогда отличается ваша страна от Кубы? Стоило ли ради этого столько бороться и жертвовать?».

Сложный вопрос, к тому же он требует подробного ответа. В отеле Гаваны открытый разговор среди официантов-доносчиков, серьезная беседа в стесненных обстоятельствах была невозможна. Писать письмо проще.

...Знаешь, демократия – плод долгих лет, плод, который становится всё вкуснее по мере созревания. Чтобы вырастить этот плод, требуется большая самоотверженность, продолжительный труд, сумасшедшая страсть.

...Демократия похожа на пестование нежного деревца на сухой почве. У этого деревца нет корней, он слаб, нежен, нуждается в заботе. Но если пустит корни, расцветет, то станет гораздо краше тысячи раскидистых деревьев. Как радость семьи, у которой ребенок появился поздно.

...Демократия – пространство гармонического поведения тех, кто состоит в обоюдных отношениях, постоянном общении. Она любит нежное обращение, грубость ей чужда. Демократия – механический порядок, в котором у всех участников есть своя роль и лепта: звон часов – продукт «совместного труда», взаимосвязанного движения многих крупных и мелких деталей внутри часов, это не церковный колокол, приходящий в движение за счет мускульного усилия одного человека.

...Проблема демократии, ее сложность в том, что она должна убедить людей. Убеждение лежит в самой сущности демократии. Авторитаризм потребности в этом не испытывает. Убедить людей труднее, чем обмануть. Так что, авторитарное правление легче, чем демократическое.

...Падение Советского Союза дало старт многим народам на пути свободы и демократии. Хотя все находились на одной точке в стартовом положении, немного спустя каж-

дый одолел разное расстояние. Теперь каждый находится на разной точке этого марафона. Конечно, и моя страна не смогла продвинуться слишком далеко на этом пути. Мы еще не построили ту демократию, о которой мечтали. Причин много, как объективных, так и субъективных: в качестве помех приводят войну, нефть, мусульманство, то, что мы люди восточные, и еще многое другое... Когда надо найдется тысяча отговорок.

...Хотя мы отстаем от развитых демократий, у нас много свобод. Но я называю их «полусвободами». Есть такая поговорка, стакан с водой до отметки «середина» один видит наполовину пустым, другой наполовину полным. При взгляде из Америки, Европы наша демократия «наполовину пустая», а при взгляде из Кубы «наполовину полная».

...Я перечислю тебе обретенные нами свободы, разницу определи сама. Разве не стоило бороться за эти свободы, даже если они половинчатые, даже если они часто грубо нарушаются?

Свобода передвижения. Я могу получить паспорт и съездить в любую страну мира, в том числе приехать на Кубу для встречи с тобой. Но если я приглашу тебя в свою страну, приехать ты не сможешь, потому что твое правительство этого не разрешит. Я могу жить и

работать в любом городе своей страны, регистрации либо разрешения для этого не требуются. А ты должна получить специальное разрешение для проживания и работы, к примеру, в городе Санта-Клара. Если сделаешь это без разрешения – тебя арестуют.

Право на собственность. Я могу стать собственником, то есть приобрести дом, землю и прочее. У меня есть право продать либо подарить личную собственность. А у тебя собственности нет. Дом, в котором ты живешь, земля, по которой ты ходишь принадлежат государству. «Непослушного гражданина» у вас государство может выкинуть из дома, отправить в один из многочисленных трудовых лагерей – положить жизнь на пути строительства коммунизма.

Коммуникация. Я могу позвонить в любую точку мира, отправить и получить почту, факс. У меня есть право и возможность пользоваться интернетом повсюду: дома, на работе, на улице. А ты для этого должна идти в интернет-центр иностранного посольства. К тому же это доступно лишь тебе и паре-тройке таких же общественных активистов как ты, у других подобной возможности нет.

Свободный рынок. У нас занятие бизнесом в той либо иной форме зависит лишь от умения. У меня есть право создавать бизнес-кон-

такты как внутри страны, так и за ее пределами. А у вас это не только не разрешается, но все еще считается «остатком буржуазии», проклинается как элемент «загнивающего капитализма».

Выбор. У меня есть право выбора: школа для детей, любая клиника для лечения в стране или в остальном мире, найти и читать любую литературу, выбирать фильмы и музыку, смотреть телеканал любой страны и т.д. А у вас весь этот выбор совершает государство.

Политические свободы. Сюда я добавил бы право создавать политическую партию, участвовать на выборах в качестве независимого кандидата, открыть независимую газету и писать что хочется. У вас ничего этого нет.

Этот список можно продолжить...

До недавнего прошлого мы тоже были лишены этих свобод. Точь-в-точь как у вас. Правда, многие из перечисленных свобод с изъясном, они половинчатые, не на желанном уровне, часто грубым образом нарушаются, год от года уменьшаются, но свобода как вода, как воздух, даже малый ее глоток мил сердцу.

Теперь рассуди сама, не стоило ли ради этого бороться и приносить жертвы?

Недалек тот день, когда вы построите свободное общество. Это ясно видно!

*С уважением,
Вахид»*

Спустя три месяца мне пришло письмо. Я открыл его с интересом ребенка, получившего подарок на день рождения. В коротком ответном письме Жизела писала:

«Дорогой Нострадамус!

Твое предсказание сбылось. Невероятно! Роберто отпустили. Он дома! Немного болен, опухли ноги. Главное, он на свободе. Дочь сдержала обещание, как только вернулся отец отпустила на волю птиц из клетки.

Я с тобой согласна, стоит бороться и за полусвободы, которые у вас есть. Мы тоже будем свободны, обязательно будем, к тому же не наполовину!

Обнимаем!

Жизела».

Я прочел письмо. Теплое, приятное, опьяняющее ощущение разлилось, как бальзам, по сердцу и лицу. Я чувствовал как оно ползет будто змея вверх по всему моему существу. Дойдя до лица, оно принялось растягивать в стороны мои лицевые мышцы.

Это было отражением на моем лице радости и удовлетворения. Как же еще? Всего 3 месяца назад, не находя слов утешения, я сказал ей следующие слова: «Ваш муж скоро выйдет на свободу. Не останется там не то чтобы 21 год,

но даже 21 месяц». И вправду «Действие твоего утешения зависит от того, насколько ты сам убежден в собственных словах...»

Следующий мой визит на Кубу прошел через мексиканский город Канкун. Канкун расположен на берегу Карибского моря. Здесь раскинулись бесчисленные пляжи, бесчисленные отели вдоль пляжей. Канкун один из крупнейших курортных городов региона. Его жители небольшого роста, улыбчивы и искренни. Даже не верится, что эти люди потомки «Пиратов Карибского моря». Не в этом дело, мы тоже не похожи на Бабека² и Кёроглу³, глаза говорят о том, что эти места напоминают рай.

Поднявшийся с Канкуна самолет долетел до Гаваны где-то через час. Была полночь. Я сильно устал. Хотелось поскорее уйти, лечь спать. В Мексике меня помучали. Оказывается, транзитные пассажиры здесь тоже должны были заранее получить визу. Так что, в Кан-

² Руководитель азербайджанского национального восстания хуррамитов против Арабского халифата, охватившего также некоторые области Ирана и Закавказья (около 816 – 837)

³ Герой одноименного азербайджанского фольклорно-эпического памятника, сложившегося около XVII века.

куне у меня отобрали паспорт и заключили меня в закрытое стеклянное помещение. Кричать смысла не было, никто бы не услышал, да и не разобрал бы чужого языка. После шестичасового мучения в стеклянной клетке, представив, что гаванские пограничники осмотрят мои чемоданы, я чуть не сошел с ума.

В моем чемодане находилась чуть ли не целая библиотека с видеотекой – он был полон книгами и фильмами, адресованными независимым журналистам, писателям и художникам, учителям, правозащитникам, религиозным служителям, одним словом, общественным активистам. К примеру, там были «Чума» Камю, «Процесс» Кафки, «Слепящая тьма» Кестлера, «Дорога к рабству», «Конституция свободы» Хайека, «1984» Оруэла, «Колымские рассказы» Шаламова, «В защиту демократии» Шаранского, «Каждый умирает в одиночку» Фаллады, а также книги Кундеры, Милоша, Солженицына и других, фильмы «Восток-Запад», «Дети Арбата», «Доктор Живаго», «Убить священника», «Ганди», «Мастер и Маргарита», «В круге первом», «Площадь Тянанмень», «Андеграунд», ленты Тарковского, Формана, Вайды, Спилберга и многих других. По собственной инициативе я купил для женщин мыло, шампунь, зубную пасту, недорогую парфюмерию – здесь всё это было недоступно.

Здесь тоже есть черные рынки вроде нашей бывшей «кубинки»⁴, но у многих нет возможности что-либо там покупать. Я также не забыл прикупить в аэропортах последние номера испаноязычных газет и журналов. Известить людей, с которыми я собирался встретиться, о свободном мире – хорошее дело, буд-то даешь свежую газету политзаключенному в тюрьме. Я знал: переходить границу со столькими дисками и книгами – дело рискованное. Правда, сейчас таким вещам большого значения не придают, однако в любом случае прицепиться они могли. У меня наготове имелась фраза: «Подарю новым знакомым».

Конечно, лет 10-15 назад подобный твой аргумент не прошел бы. Раньше невозможно было открытым образом пронести даже одну книгу. Хорошо помню, в 1996-ом году всю страну потрясла весть о том, что мой друг – бывший диссидент незаконно перешел границу в Губе. Когда утром я пришел на работу, мне позвонил один журналист в надежде на то, что получит от меня подтверждение сенсационной новости: «Есть информация, что твой американский друг задержан при попытке незаконно перейти границу в Губе.

⁴ Район в центре Баку, где в советское время можно было приобрести редкие импортные товары.

Агентства со всего мира подняли шумиху. Но наши говорят, что ничего не знают. Я говорю насколько серьезна ситуация, но они все еще не дают подтверждения».

Я тут же стал названивать друзьям, в те времена связь была не такой, как сейчас, не было интернета, мобильных телефонов. Ближе к вечеру узнал, что моего друга задержали не в Губе, а на Кубе, в аэропорту Гаваны. Оказывается, в коробке с детской смесью обнаружили «Архипелаг Гулаг» Солженицына, в других коробках тоже нашли подобную литературу. После трехдневного допроса его объявили «персоной нон-грата» и вернули обратно. Вот как ошибочная информация российских информационных агентств «благодаря» одному журналисту подняла на ноги наши погранвойска.

Ни мои чемоданы, ни мой портфель осматривать не стали. Я спокойно прошел и вышел в город. Сел в такси и назвал адрес. Послабление в переходе через границу по сравнению с прошлым разом немало развеяло мое напряжение. Я отправился уже не в отель, а в квартиру, заранее снятую моим другом-переводчиком Эльнуром.

Как только хозяин квартиры разместил меня и вышел, я тут же уснул. Эльнур тоже спал. Мы знали куда отправимся утром в первую очередь – к Жизеле...

Чамайра

Вышло не так, как я ожидал – вместо нежной, изящной женщины дверь открыл рослый мужчина. На его лице читалась усталость, равнодушие. Я тотчас понял: нашему визиту он не рад.

Мы спросили Жизелу, он сказал, что та придет после полудня. У испаноязычных людей отношение ко времени схоже с нашим, «после полудня» не точное определение, оно на деле означает «Бог знает, когда придет».

Перед нами стоял недавно освободившийся из заключения муж Жизелы, в этом сомнений не было, портрет на стене тоже свидетельствовал об этой уверенности.

Он нехотя указал на место для сидения, а сам уселся на табуретку, на которой во время прошлого нашего визита сидела его супруга.

Он обвиняюще на нас смотрел, вяло и вынужденно говорил с нами недовольным тоном. Он всё более распалялся по мере того, как говорил и тем самым создавал трудности для переводчика. Мы по-настоящему опешили от его обвинений: «Здесь идет серьезная борьба, а помощь диаспоры, международных организаций до нас не

доходит. Часть пропадает прямо на месте, а другая по пути».

Мне и во сне бы не приснилось, что я встречусь с подобным обвинением. Я не знал о чем идет речь. В первые минуты не понял чем ответить. Я слышал о помощи богатой кубинской диаспоры в Маями. Правительство раньше не допускало этой помощи, а теперь закрывает на это глаза, потому что немалая часть голодного населения живет за счет помощи родственников из зарубежа. Точно так же, как живут у нас на деньги, что присылают из «Урусята»⁵.

Наверно, он нас с кем-то перепутал. Но я не мог не ответить, так что я сказал так же жестко, как и он: «Мы не раздаем помощь, вы напрасно нас обвиняете. Если на то пошло, мы тоже слышали, что политическая оппозиция, диссиденты и общественные активисты у вас маргинализировались. А сюда мы пришли не ради вас, а ради Жизелы».

Эльнур с азартом перевел мои слова, ему тоже не понравился наш собеседник. Мои слова изменили выражение его лица и тон голоса. «Конечно, я не имею в виду всех», сказал он.

⁵ Собираетелное просторечное название таких стран, как Россия, Украина, Белорусия и т.д., куда азербайджанцы отправляются на заработки

Он нас не узнал. Может, Жизела ничего не рассказала мужу о «Нострадамусе» из Азербайджана. В противном случае он не встретил бы нас таким образом.

Тему открыли мы сами. Мы рассказали, что были здесь шесть месяцев назад, уверили его супругу, что он вскорости выйдет на свободу, рассказали о письме «Женщине в белом». Он резко встал, будто внезапно что-то вспомнил, обнял нас со словами «Нострадамус». Его поведение за мгновение полностью изменилось. Он нас узнал. Чуть спустя на его лице не осталось прежней усталости и равнодушия.

Роберто один из координаторов нелегального политического движения «Унидос». Эта организация подготовила пакет экономических реформ. Он верит, что за экономическими свободами последуют политические реформы, считает Китай моделью для Кубы.

- Мы внимательно изучаем Китай. Их модель развития подходит нам больше.

- Я не верю, что без демократии какая-либо модель подходит для экспорта. По-моему, у Кубы должна быть своя модель. Страна может быть богатой, у арабов тоже несколько богатых государств, но без политических свобод нет гарантии в стабильном развитии, благосостоянии, передающемся от поколения поколению.

- На Кубе с населением в одиннадцать миллионов 26 журналистов в заключении, в двухмиллиардном Китае – 25. Экономическое развитие дает рост политическим свободам.

- Авторитарные режимы сильнее в деревне, аграрных странах. Экономическое развитие усиливает урбанизацию в стране. Урбанизация подрывает авторитарные режимы. Мощное будущее Китая проходит через симбиоз экономического роста и демократии. А у вас этот процесс может состояться быстрее. Для урбанизации и экономического развития достаточно инвестиций богатой кубинской диаспоры в США.

- Могут возникнуть серьезные проблемы, если они вернутся и потребуют свое прежнее имущество.

- Если будет принят справедливый закон, больших проблем не возникнет. Посткоммунистические страны Восточной Европы успешно справились с этой проблемой. А еще, зачем вы ищете модель в далеком Китае, когда рядом есть Америка?

- Антиамериканизм силен. В умах людей еще живы позиция США до и во время революции, ее политика, плюс антиамериканская пропаганда власти на протяжении 50-ти лет.

Мы немало проговорили. Жизела, которая должна была «прийти после полудня», на пороге не появилась. Нам надо было идти. Мы пригласили их на ужин, договорились о месте и времени и вышли.

Мы сели на такси, проехали по Малеконскому проспекту вдоль берега и оказались в древней части города – Гаване Вьеха. Мы собирались погулять и пообедать до следующей встречи.

Такси свернуло с проспекта Карлоса Кеспедеса на улицу Эмпедрадо и притормозило. Мы прошли по улице, вдоль обеих сторон которой покоились развалы старых и новых книг, продавались сувениры с изображением Че Гевары и остановились у гигантского здания. У Эльнура не было охоты посмотреть книги, большинство из них были посвящены революции, Че Геваре и подобным темам. Здесь куда ни глянь были книги Хосе Мартина, Кастро, Че Гевары, как и у нас прежде негде было спрятаться от книг Ленина и Брежнева.

Величественное здание было церковью Сан Кристобаль. Возведена в 1748-ом году. По обе стороны церкви высятся, как стражи, башни, в

одной из них два колокола. Известный кубинский писатель Алехо Карпентьер уподоблял фасад этой церкви, построенной в стиле барокко, «музыке, обращенной в камень».

Забитая туристами большая площадь перед церковью называется Плаза де Армас. На противоположной стороне площади располагается Колониальный Музей Искусства с ценными экспонатами.

Историческая часть города выстроена в неоклассическом архитектурном стиле. На эти памятники, оставшиеся в основном от колониального периода, сильно повлияла барочная архитектурная школа. Однако, начиная с 18-го века Гавана стала отличаться своей автономной, экспрессионистской архитектурой. Наряду с классической европейской архитектурой – романским, готическим, мавританским стилями, здесь получила также развитие местная архитектура, известная как антильское барокко. На фасадах зданий явно заметны признаки барокко, андалузские элементы, окруженные с различных сторон стенами, галереями, воротами и перилами открытые внутренние дворы под названием «патио» в романском стиле.

В душную жару ничто не заменит здесь удовольствие от бокала холодного пива!

Фрески на стенах зданий, настенные узоры, резьба по стенам – сграффито, орнаменты, витражи и мозаика дверей и окон радуют глаз. Объемные колонны придают зданиям еще больше величия и древности. Эти вызывающие умиление постройки похожи на состарившуюся женщину, однако не вызывающую сомнений в том, что в молодости красота ее изумляла. При виде облупившихся, заплесневевших, разрушенных от недосмотра зданий чувствуешь: этот город некогда был очень красив.

В середине 20-го века в Гаване под влиянием стиля городской архитектуры США стали возводиться высокие здания. В Мирамаре и других богатых западных районах города строились виллы в эклектической манере, а в раскинувшемся на 7 километров прибрежном Малеконе больше властвует современная архитектура.

...Центральные улицы воняют. Потому что канализационная система в центре города работает неисправно. В то время, как ты идешь по улице, на твою голову спокойно могут вылить ушат мыльной воды. Здесь тоже есть проблемы с водой. Жители верхних этажей поднимают при помощи веревки к себе на балконы ведра с водой. Фонтан на площади Плаза Вьеха оградили высокой же-

лезной решеткой, чтобы люди не таскали воду из бассейна.

Сгорать от жажды жарким летом и при этом смотреть на бьющий фонтан, огражденный клеткой. Эта картина напомнила религиозные полотна эпохи Возрождения...

Эти исторические памятники из-за недосмотра находятся под угрозой разрушения. Хорошо, что есть ЮНЕСКО. Некоторые здания реконструируют за счет этой организации. А правительство затрудняется отремонтировать даже те здания, которые должна. Я указываю Эльнуру на разваливающееся здание и говорю: время, когда это здание оценят в несколько миллионов, еще впереди, придет время и этот город вернется в число самых красивых городов мира.

Мы сели в баре «Флоридита». Бар, расположенный на пересечении улиц Обиспо и Мосерета, действует с 1817-го года. В 1953 году он вошел в число одного из семи самых популярных баров мира. Большую роль в его популярности сыграл выдающийся писатель Эрнест Хемингуэй. Он частенько сюда заходил, пил свой любимый коктейль «Дайкири».

Не знаю каким по счету баром он может считаться сейчас, думаю, не войдет даже в первые семь тысяч. И здесь не встретишь ни

одного американского напитка, о коле и пепси официант лишь слышал, товар производства вражеской страны увидишь лишь у туристов. Эльнур заказал какой-то мексиканский сок, а я местное пиво Буканеро и чипсы. Пиво принесли, а чипсы нет, потому что о нем лишь слышали, но никогда воочию не видели.

Продающая на улице цветы чернокожая девушка смотрела на нас через открытое окно и смеялась, что-то говорила и снова смеялась. Мы жестом пригласили ее за наш стол. Я никогда в жизни не видел такую красивую чернокожую девушку. Она вошла и села. Мы пригласили ее поесть и завели беседу. Беседа началась с вопроса о том, чем она занимается. Чамайра рассказала нам, что приехала с тысячью мук из провинции на поиски пропитания. Законы Кубы этого запрещают, ее могут арестовать в любую секунду. Но другого выхода у нее нет, ей нужно отправлять деньги домой, семье. Ее мать, маленькие братья и сестры, больной малыш голодны. От продажи цветов она зарабатывает за день около 1-2 долларов. Несмотря на это может отправлять домой около 15-20 долларов в месяц.

Чамайра говорит, что каждый зарабатывает здесь как умеет, чтобы не голодать один рисует, другой занимается резьбой по дереву, третий

развлекает людей, а кто-то еще продает свое тело. Голод и нужда приводят к гигантскому росту проституции, стремительному распространению СПИДа, падению нравов и общества.

Ее умные глаза впечатляли. Большие глаза походили на звезды, мерцающие в ночном мраке. Она очаровала нас своей манерой говорить, есть и пить, порой погружаться на миг в отчаяние и порой невинно смеяться. Она с особым выражением сообщила, что старый рыбак Сантьяго из рассказа Хемингуэя «Старик и море» из их деревни. Сказала это так гордо и страстно, что захотелось стать тем самым старым рыбаком.

За час мы с ней по-настоящему подружились. За свои цветы на улице она не переживала, если бы оказался покупатель, ей бы сообщили. Хотя мы уже поели, вставать не хотелось. Совсем не хотелось прощаться с этой простой, красивой кубинкой. Когда мы встали и собирались покинуть кафе Чамайра неожиданно что-то прошептала на ухо Эльнуру.

Эльнур совсем опешил.

Чамайра предлагала нам себя.

Что-то внутри меня оборвалось. Я не знал что сказать. Мы вышли на улицу и подошли к ее прилавку с цветами. Ничего не говоря достали 10 долларов и купили по букету цветов. Подарили цветы ей же самой и попрощались.

Я, наверно, никогда не забуду большие, сияющие, тоскливые глаза этой невинной женщины, смотрящей нам вслед. Это были скорбные глаза молодой матери, готовой нырнуть на самое дно жизни ради своего больного малыша.

О Гюго, как ты был прав, говоря «...тирания нарушает границы морали»!

Вечером в 7 как мы и условились Жизела, ее муж Роберто и дочь Жизель ждали нас в кафе «Париж». Жизела встретила нас радостно, как старых друзей, Жизель обняла Эльнура за шею, Роберто поприветствовал меня особым образом изготовленными «домашними» сигарами, не продающимися в магазинах. В тот вечер мы разделили радость этой счастливой семьи, ели, пили, слушали красочные песни, смотрели на танцующих сальсу и румбу, да и сами станцевали ча-ча-ча. В перерывах между шумихой немало побеседовали. Когда мы вышли в полночь из кафе на улицы Гаваны, все радовались как счастливые люди.

Но эта радость, осветившая целую ночь, была не в силах разогнать охватившую мое сердце тоску. Мои глаза искали в пропитанных безнадежностью темных переулках Гаваны – там, где умерла совесть, очаровавшие меня глаза Чамайры и ее беспомощного малыша...

СВЯТОЙ НИМБ

Рамиз Ровшан⁶ провел интересное сравнение между открытым обществом и закрытым: «Закрытые общества теснят человека, как консервная банка, в них задыхаешься, но не гниешь, потому что нет воздуха. В открытых же обществах не задыхаешься, но в них тысячи сторонних влияний, идет процесс гниения».

Я бы продолжил эту мысль следующим образом: когда «открывается крышка» закрытых обществ – туда попадает воздух – выясняется, что многие, считавшиеся до сих пор там героями, вовсе не таковы. Для того, чтобы вовремя обезвредить таких «героев» некоторые посткоммунистические страны Центральной и Восточной Европы приняли законы «люстрации». Благодаря этим законам были вскрыты архивы, привнесена ясность в то, кто чем тайно занимался в закрытый период общества, поставлен запрет коммунистам высокого ранга на занятие высоких государственных постов и так далее.

В один прекрасный день стало известно: политик, которому долгие годы верил народ,

⁶ Известный современный азербайджанский поэт, писатель, эссеист, кинодраматург, переводчик.

считал лидером и следовал за ним либо религиозный деятель, считавшийся воплощением высокой морали, были игрушкой в руках какого-то маленького сотрудника спецслужб. Весть о том, что известные церковные служители Польши долгие годы являлись агентами спецслужб по-настоящему шокировало польское общество. Таких примеров много. Верно, это болезненный процесс, однако общества, обладающие определенной интеллектуальной подготовленностью и толерантными привычками пережили период «люстрации» с меньшей болью.

Хотя мы не прошли через период «люстрации» в переходный период, у нас тоже было немало подобных случаев, «консервных» героев мы узнали много позже, после многих злоключений, а большинства не знаем и до сих пор. Если бы вовремя вскрыли архивы, возможно, не случились бы судьбоносные тяжелые события, с которыми в последующие годы пришлось столкнуться народу, например, не был бы потерян Карабах...

Один из моих любимых новых фильмов последних лет «Жизнь других» (The Lives of Others) весьма популярен среди общественных

активистов Кубы. Его сняли немцы в 2006-ом году. Фильм освещает влияние тотальной слежки, страха в закрытых обществах на человеческую нравственность, личные и общественные трагедии на фоне вмешательства в человеческую жизнь посредством подслушивающего аппарата, установленного в квартире одного писателя сотрудником Министерства Государственной Безопасности Германской Демократической Республики (Штази).

Я взял с собой много копий этого фильма.

...Лопес Рамос один из руководителей «Пен-клуба». У клуба 40 активных членов, здесь объединены независимые писатели, одного из учредителей осудили на 26 лет. Недавно за границей вышел последний номер альманаха, состоящего из их произведений. Название издания можно приблизительно перевести как «Глас изменений». Он протягивает нам один экземпляр, мы берем, чтобы подарить другим кубинским друзьям. Рамос председатель комиссии, проводящей отбор для альманаха.

Тесная квартира состоит из одной комнаты. Это и гостиная, и спальня, и рабочий кабинет с библиотекой, вдобавок кухня. Балкон, выходящий на шумную улицу Виа Бланка, расположен внутри квартиры. Советские

коммуналки по сравнению с этой квартирой похожи на пятизвездочные отели.

Клуб проводит семинары и встречи с молодыми писателями. Конечно, закрытым образом. После того, как их тексты вышли «самиздатом» в журнале под названием «Куба», полиция арестовала 35 человек. «Принтер – главный враг власти», - говорит Рамос. Я спрашиваю у него интересуются ли люди книгами. «У нас очень большой интерес к книгам, - отвечает он, - каждую привезенную на Кубу книгу читает порой человек 10 – 20».

Не переставая его слушать, я листаю книги из шкафа. «Эти книги не читали не то чтобы человек 10-20, но даже он сам, стоят новенькие», - думаю я.

Смущения своего я показывать не стал. Я вытирал тряпкой, висящей на прибитом к углу шкафа гвозде, пыль с прекрасно изданных в основном в Мексике, Испании книг, и возвращал их на место. Когда я представил радость тех, кто купил эти книги и отправил их борцам за свободу в закрытой остальному миру стране, радость, рожденную от счастья быть участником большой исторической миссии, мне стало совсем плохо. Имитация повсюду имитация, хоть у нас, хоть на Кубе... Я вышел оттуда с мыслью: «Каждый –

продукт той среды, где обитает. Трагедия начинается тогда, когда члены общества, жертвующего собой абсурдным идеям не осознают, что живут абсурдной жизнью».

Начиная с революции 1959-го года свыше ста тысяч кубинцев пережили ужасы тюрьмы и исправительно-трудовых лагерей. Около 17 тысяч человек были расстреляны. Люди искусства тоже столкнулись с жесточайшей репрессией. В 1961-ом году Фидель Кастро точно определил роль творческих людей в обществе. Эта определенность нашла себя в кратком лозунге: «Внутри революции – всё, вне революции – ничего!».

Мой попутчик, московский ученый-этнограф, самый безобидный чеченец на свете (я называл его так оттого, что человек он спокойный) – мой друг Леча откомментировал увиденное и услышанное спокойным образом: «Разве оппозиционеры и НПОшники у нас или вас чем-то от них отличаются?».

Выхлопные газы машин и жара, смешавшись, создали невыносимую духоту. Так и хотелось холодного пива. Мы вошли в первое встречное кафе. Она походило на советские «закусочные», пропахшие крепким алкоголем. Выбрали по незнакомому блюду из меню. Сами выбрали разные блюда, чтобы

можно было обменяться, если кому-то не понравится. Походка, манеры, взгляд официантки выдавали ее неопытность. Окружающие странно на нас смотрели, неприветливо, но не агрессивно. Чуть спустя мы узнаем причину этих любопытных взглядов.

Блюда оказались съедобными. Лука было вдоволь, мясо хорошо прожарилось, так что мне оказалось по вкусу, с незнакомым привкусом масла я кое-как справился. У Лечи дела обстояли тоже неплохо, ему попалась черная фасоль с рисом.

Когда принесли счет у меня глаза на лоб полезли. Выходило, что тарелка «Камаро», тарелка андалузского «Морос кристианос» (в переводе «мавры и христиане»), две бутылки пива «Буканеро», стакан коктейля «Мохито», плюс салат и тарелка с нарезанными манго, ананасом, гуайявой, апельсином стоили 36 песо, то есть всего 1 доллар 50 центов. Даже в рабочей столовой нет такой дешевизны.

Немного спустя появился директор столовой, сказал, что вышла ошибка и дал новый счет – 36 CUC.

На Кубе две денежные единицы: используемые туристами конвертируемые CUC (Cuban Convertible) и используемые местными гражданами неконвертируемые песо.

CUC настоящие купюры, шуршат в руках, а песо какие-то замызганные. Разница между ними двадцать четыре к одному, то есть 1 CUC можно обменять на 24 песо. 1 CUC обменивается на 80 центов. Этим путем правительство будто бы считает валюту вражеской страны некотирующейся. Самой ценной валютой здесь является евро.

Оказанные услуги и различная оплата подсчитываются отдельно для местных и иностранцев. Только теперь стало понятно почему в кафе на нас смотрели с таким интересом. Оказывается, туристы в такие места заходят крайне редко. Молодая официантка ошибочно подсчитала деньги в песо. А зоркий директор подсчитал всё точнее – 36 CUC, то есть 864 песо, или 45 долларов.

К прежней неурядице прибавилась еще одна. За эти деньги можно было бы прилично пообедать в одном из отелей.

Официантка была смущена, я улыбнулся ей и подмигнул. Она улыбнулась в ответ, поняла, что я говорю «Не бери в голову!». А о моем смущении позаботился Леча: «Ну, ничего!».

На закате мы нажали на звонок одноэтажной красивой виллы. Дверь открыла по-

ходящая на героиню сериала «Гваделупа» женщина с ангельским лицом. Не дав нам договорить, она пригласила нас внутрь. Любезно указав нам на диван и кресло в углу фойе красивого дома, прошла в боковую комнату.

Появившийся через пять минут Санта Круз создал приятное впечатление в первые же секунды. Ему было где-то под шестьдесят. Человеком он был разговорчивым. По речам он был похож на серьезным образом начитанного правозащитника, получившего превосходное образование. Как и многие оппозиционеры он тоже некогда преподавал марксистскую философию в Гаванском Университете. Пристально отслеживает происходящее в мире. Он задавал такие вопросы в связи с Азербайджаном, что, казалось, вернулся оттуда недавно. А на самом деле он совершил первый и последний визит за границу в 1988-ом году. В ту пору под серьезным давлением официальных лиц ООН ему позволили выйти из страны. Сейчас его главное желание – добиться отмены смертного приговора на Кубе. Он говорит, что 50 человек в стране ожидают исполнения смертного приговора.

...«Гваделупа» сперва убрала бумаги и книги со столика. Принесла по чашке кофе. Спустила жалюзи на окне за нами, закрыла

приоткрытую дверь. Сделала всё это так нежно, что, казалось, по комнате передвигается не человек, а нежный ветерок. Каждый раз как она входила в комнату ход моих мыслей нарушался, я просил переводчика повторить сказанное. Я не мог разобрать: то ли она супруга этого известного правозащитника, то ли его помощница. Это место напоминало как дом, так и рабочее место, поэтому она могла быть как супругой хозяина, так и секретаршей директора. Но это ничего не меняло. Кем бы она ни была, место, где дышит такая женщина, воистину райский уголок...

Санта Круз что-то ей сказал и «Гваделупа» принесла два плаката с картой Кубы. Положила на диван и вышла. На одном из плакатов было написано «1958-ой год», на другом «2004-ый год». Это были сравнительные карты тюрем, исправительно-трудовых лагерей на Кубе за год до революции и 46 лет спустя. Черные точки обозначали тюрьмы, а красные – лагеря. В 1958-ом году было 14 тюрем, сейчас их больше 200. ««Счастье», принесенное на Кубу коммунизмом, можно ясно увидеть по этим картам», - говорит он. Своей манерой говорить о нарушениях прав человека с помощью фактов, наглядным образом, своеобразными комментариями, ораторским

даром, умением убеждать он напоминает наших правозащитников-женщин, особенно Новеллу Джафарову.

Вдруг посреди беседы в комнату зашел какой-то мужчина. Как только я услышал имя человека, у которого выпали не только волосы на голове, но и брови, и даже ресницы, я тут же его узнал. Это был известный борец за свободу, отсидевший в тюрьме свыше 11 лет диссидент, неоднократно объявлявший на долгий срок и не прекращавший сам голодовку независимый журналист Орландо (имена в книге изменены в целях их безопасности), награжденный многими международными организациями, но не имевший возможности получить награды из-за запрета власти. Как и многие кубинские интеллигенты он тоже получил образование в СССР. В октябре 2010-го года Парламент Европы наградил его премией Сахарова. На церемонии вручения его снова не было, а премия находилась перед его фотографией на стоящей на сцене пустой табуретке, рядом лежал букет цветов.

Когда я пожал ему руку мне стало не по себе, казалось, его рука без костей. Санта Круз рассказывал, что долгие голодовки, мучения в тюрьме привели к гормональным изменениям в его теле. Упадок его сил был

заметен и по манере говорить и ходить. Только что вышел из тюрьмы (во время написания этих строк он снова в заключении – *автор*). Он голодал 200 дней с требованием свободного доступа в интернет. Правительство дало ему безлимитный доступ в интернет, чтобы он прекратил голодовку, он не согласился, требуя этой свободы для всех.

Власть держала его под серьезным контролем, так как он находился в поле внимания международных организаций. Каждый раз, когда он находился при смерти, на последнем дыхании, переходили к обязательному питанию. Делали внутривенную инъекцию с питательными веществами. При взгляде на его бледный облик, впавшие глаза, мне отчего-то вспомнились наши «герои», голодающие не больше трех-четырех дней.

...«Гваделупа» вошла в помещение и увела в другую комнату миленькую маленькую собачку, сновавшую туда-сюда. Мне пришло в голову, что она могла бы быть Санта Крузу и дочкой, откуда знать, возможно...

Беседа с ним пробирала до самого сердца. Мы понимали насколько волевая личность скрывается в явленном нашему взору ослабевшем теле Орландо, говорящего сбивчиво, задыхаясь. Внутренняя вера в правди-

вость своих слов, справедливость своих поступков, неуступчивость даже на последнем дыхании, на исходе сил делали его достойным всяческого уважения.

На мой вопрос «Чем вдохновлено Ваше упорство?» он дал интересный ответ. «Отчего бьется, упорствует задыхающийся от нехватки воздуха, тонущий в воде человек? Это такое же упорство. Правительство добилось посредством террора страха, парализовавшего общество. Люди всего боятся, даже друг друга. Нищета, крайняя бедность, страх вызвали апатию, отсутствие надежды на будущее. Молодежь ничего не хочет менять, не хочет рисковать, у нее лишь одно на уме: переехать в другую страну, жить другой жизнью. 4-5 миллиона населения готовы покинуть страну при первой же возможности. Мне тяжело, очень тяжело видеть свой народ таким».

Когда ему не удалось продолжить, слово взял Санта Круз: «Народ Кубы жаждет свободы. Власть заключила в тюрьмы, убила, искоренила около 100 тысяч людей. Их семьи этого не забыли. Смерть Фиделя будет означать уничтожение символа режима. После этого люди станут требовать справедливости».

Он говорил, а я не сводил глаз с Орландо. Его лицо напоминало лицо распятого на

кресте Иисуса – мука, спасающая человечество! Страсти Христовы! Его облик был отмечен святыми чертами, божественный нимб тоже находился на своем месте – над головой.

Подняв взгляд, я посмотрел на то, что показалось мне нимбом – «Гваделупа» стояла за диваном над его головой и держала его за плечи...

В Латинской Америке Гваделупой называют святую Марию...

Выйдя из того дома, я был легок как пар, будто увидел Иисуса в объятьях Марии. Может, благодаря этой внутренней легкости меня не беспокоило то, что за нами увязался какой-то круглолицый тип в очках. В закрытой как «консервная банка» стране следить за человеком дело привычное.

Через полчаса блужданий нам удалось избавиться от «хвоста».

Действительно ли удалось?

Романтика сорокалетия

Постели бывают разные, как и люди. Они отличаются тысячей оттенков твердости и мягкости, запахом, вызывающим сотни ощущений.

Вызывающий ломоту в костях жесткий, как камень, топчан солдатской караульной либо подушки, одеяло и матрац из лебединого пуха в пятизвездочных отелях, чья мягкость уносит твои грезы к райским гуриям – и то и другое постель.

Череду разных ощущений вызывает как пропахшая кислым кумысом постель в пастушьей юрте в киргизских пастбищах, так и постель в парижском отеле «Софитель», пахнущая французскими женскими духами, чей запах остается на тебе целый день.

Моя постель в квартире, которую сдал Карлос на одном из тихих улочек Гаваны, квартире, чьи окна выходили на цветущий садик, пахла 21 марта 2008-го года точь-в-точь как простыни и наволочки в армии, которые менялись раз в неделю. То ли от дешевого стирального порошка, то ли от чего-то еще, постельное белье советской армии после

стирки в прачечной пахло специфическим химическим запахом. Этот запах был неприятным, но не нестерпимым. Ты быстро привыкал к запаху, вызывающему ощущение бедности. К тому же, в армии страны, занимающей огромную территорию земли, армии, вызывающей страх во всем остальном мире, одинаково пахнущее каждое воскресенье постельное белье через пару дней впитывало запах миллионов молодых парней.

...После того как я проснулся запах «химии» улетучился, постель пахла мною, а из окна доносился аромат садика. Первый день весны в Гаване, не знающей зимы, был по-весеннему свеж. Каждый год я встречаю утро этого дня со странными чувствами, а на сей раз было совершенно другое утро.

Сын известного белорусского писателя-диссидента, оппозиционного Лукашенко, Богдан Орлов и казахстанский правозащитник, независимый журналист, некогда арестованный за свои убеждения Сергей Дуванов уже проснулись в соседней комнате. Я слышал их не очень отчетливо, но по общему тону предполагал, что идет серьезное обсуждение.

Супруга Карлоса приготовила хороший завтрак. Она была доброй женщиной. Доставляла удовольствие как накрытым столом, так и интересной беседой.

Я заказал как обычно омлет из двух яиц, чай, кофе плюс сок гуаявы розового цвета. Мне нравились эти друзья – улыбчивы, оптимистичны, окружают человека положительной энергией...

Супруга Карлоса смотрела на нас троих и не могла разобрать кто из нас старше, сколько нам лет. Не верила, что наш переводчик Богдан младше меня ровно на 15 лет, а Сергей на 15 старше. Было непросто определить, что 25-летний Александр моложе 55-летнего Сергея либо, что 55-летний Сергей старше 25-летнего Александра, один выглядел очень старо для своих лет, другой очень моложе. Казалось, оба ровесники 40-летнему Вахиду.

План дня объявил Сергей: «Возьмем машину и съездим в Санта-Клару, после дел на обратном пути поедем на море, а вечером что-нибудь придумаем». Водить полагалось Богдану. Утром они обсуждали именно это.

Вышло так, как сказал Сергей. Час спустя арендованный «Опель» мчался по направлению к Санта-Кларе. Расположенная в центральной части острова Санта-Клара считается колыбелью революции. В основном известна тем, что здесь в последние дни 1958-го года сражался Че Гевара. В 1997-ом году его останки были привезены из Боливии и торжественно захоронены в западной части города, на могиле был воздвигнут мавзолей.

На обратном пути из Санта-Клары после встречи с местными активистами нам даже в голову не пришло посетить могилу Че Гевары. Мы сфотографировались возле памятника похожего на советские героические памятники на выезде из города, да и то только ради статистического интереса.

Этот романтик революции может являться для кого-то героем, но мы считаем его виновником несчастья миллионов из-за своих абсурдных идей. Куба – пример перед глазами, итог неких романтических идей, ради которых он сражался: страна голода и нищеты.

Че Гевара чуть ли не сказочный герой Латинской Америки, ставший легендой символ борьбы. Че, «идущий впереди народов, борющихся повсеместно ради свободы», в особенности любимый герой молодежи. Этот революционер-авантюрист, сказавший «тот, кто не думает как я, не может стать моим другом», был влюблен в большевиков и их методы борьбы. Говорят, свою любовь к Ленину он продемонстрировал тем, что назвал сына Владимиром. Мало ли, в официальной биографии сына по имени Владимир у него нет. Разве не могут герои иметь неофициальных сыновей? Разве редко подтверждал мир вымышленную биографию тех, кто им управляет?

Биография сыграла немалую роль в том, что он в скором времени стал любимцем миллионов: родившийся в Аргентине в состоятельной семье и получивший буржуазное воспитание, прекрасно образованный герой «мира голодных и нищих», сменивший комфортное существование на тяжелую жизнь революционера в разных уголках мира, пожертвовавшая жизнью ради своих идеалов легендарная личность, революционер, мыслящий в масштабе целого континента.

Убитый в 39-летнем возрасте Команданте, не перешагнувший в своей романтической жизни таинственный порог 40-летия!

Поставить на колени «тех, кто не думает, как он» и выстрелить в затылок – это было его хобби. Молодежь Кубы узнает об этом еще потом. А мы уже становились свидетелями того, скольких головорезов коммунисты сделали любимыми героями масс.

Диктатуры оставили все политические режимы позади в деле создания своих героев. Фильм Анджея Вайды «Человек из мрамора» (таких фильмов немало) – яркий пример того, как рядовой каменщик превратился в героя труда. Таких примеров тысячи.

Черно-белый портрет Че – известный по всему миру его символ, написал ирландский художник Джим Фицпатрик. Для того, чтобы

идеализировать революционную романтику борца за справедливость прежде всего необходимо было создать красивый его образ. Последующие легенды и сказки будут выдуманы в соответствии с этим образом.

Эрнесто Че Гевара был очень мастерски придуман для подобного образа. Его красивые черты лица на фоне редкой бороды были очень привлекательны, а сигара во рту придавала особый оттенок его имиджу. Плавные движения, спокойная речь, острый ум, глубокий взгляд, залиvistый смех усиливали его харизму. Женщины, находившиеся с ним в общении, в особенности журналистки не могли сколько бы не старались скрыть своего изумления.

Поклонников Че немало и в Азербайджане, у них даже есть клуб. Однажды мы крепко поспорили с одним из них. Он говорил так пламенно, будто они с Че сражались вместе в тропических лесах Кубы, в Конго и Боливии. Я пытался его убедить, что Энвер Паша⁷ как революционер-романтик гораздо нам ближе, что у него была ясная идея. Он

⁷ Османский военный и политический деятель, идеолог и практик пантюркизма, военный, поэт, художник. Активный участник Младотурецкой революции 1908 г., один из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс» («Иттеhad ве теракки»).

прошел ради Турана путь, начавшийся с Турции, сражался с оружием в руках в степях Туркестана и там же умер. Кажется, мои слова заставили его задуматься.

Я купил на Кубе несколько сувениров с фотографией Че для одного нашего писателя-левака, давнего фаната Команданте. Почувствовав фальшь в его отношении к Че Геваре, как и в отношении к другим вещам, я раздарил купленные для него сувениры другим...

Когда мы доехали до пляжа поблизости Гаваны было уже за полдень. Хотя солнце не проглядывало, было жарко. Мы устроились под камышовым зонтиком, заказали еду и выпивку. Пока шел наш заказ, окунулись в воды Атлантического океана.

Океан выдает свое величие масштабом и тяжестью волн. Вода теплая, небо окрашено в тысячи оттенков облаков, а прибрежные пальмы стоят на страже милующихся парочек. Жажда поймать высокую волну похожа на жажду слияния с самой желанной любовью. Встретив и проведив каждую такую волну, ты погружаешься в пучину и выныриваешь, смотришь вокруг как заново рожденный.

Со всех сторон люди, «проходят мужчины и женщины в обнимку», одни ложатся на

песок, другие, образовав круг, нежатся под звуки ча-ча-ча, третьи целуются в воде.

Парочка, целующаяся в воде, была так счастлива, что позабыла обо всем мире вокруг, будто сплелись Адам и Ева до того, как отведать плод с дерева познания.

Когда чуть спустятся темные облака нависли над океаном, сверкнула молния и гром заглушил голоса певцов, полил сильный дождь и все стали искать укрытия, «Адам с Евой» не убежали, они продолжали целоваться. Сквозь пелену дождя они смотрелись как за тюлевой занавеской.

В океане никого кроме них не было, лишь вдали были заметны какие-то редкие точки. Собравшиеся под навесами вдоль берега люди смотрели на эту картину как на фильм о любви.

Шли минуты, число и высота волн возрастали. Молния вычерчивала кардиограмму неба. Океан слился с небом – это слияние обладало звуком, от которого шли мурашки по коже. А любовники не отстранялись друг от друга, крепко держались за судьбоносный миг и не хотели отпускать.

Люди беспокойно на них смотрели, некоторые паниковали. Одна француженка, которой было уже за шестьдесят, вышла из-под зонтика и дошла до берега под тяжелыми теплыми каплями дождя, встала лицом к паре

и начала аплодировать. Французская романтика дает о себе знать даже под проливным дождем – ее поступок пришелся мне по нраву, вот я и подбежал к ней. И тоже принялся аплодировать! Сначала к нам присоединился Богдан, а затем и Сергей. Немного спустя к нам присоединились и другие, поодиночке, впятером, вдесятером. Эти туристы, приехавшие с разных уголков земли, возможно, смотрели самый интересный живой фильм в своей жизни. Местные ребяташки, продающие мороженое и фрукты, радостно кричали.

Первым нас заметил «Адам». Он разомкнул свои объятия. Показал своей половинке на нас, они обернулись и стали смотреть как полный людей берег аплодирует им. Поначалу несколько смутились, затем помахали нам и поплыли к берегу...

Когда мы вечером покинули пляж, погода прояснилась, исчезли черные облака, солнце было на своем месте, будто не хотело уходить, не поздравив меня.

Мы сдали машину и сели в такси. Сергей сказал, что мы поедем в отель «Melia Habana», я обернулся и посмотрел на него. Это было дорогое заведение. «Этим вечером угощаю я», - сказал он.

«Melia Habana» один из самых известных отелей в городе, каждый вечер в его ресторане проходит интересный концерт. Сегодняшний вечер был одним из таких вечеров. Мы ели и пили с друзьями, развлекались. Богдан был навеселе. Может, именно потому ему захотелось сделать интересный подарок на мое 40-летие. Он отошел и вернулся минут через пять. Вернулся не один. Рядом с ним стояла гаванская красотка.

Я не мог принять его «подарок». Сергей тоже забеспокоился. Взгляд, улыбка, страстные манеры девушки не смогли нас очаровать, намного более сильное чувство не давало нам вести себя непринужденно...

Мы убедили его вернуть девушку назад. Наутро он сам удивится тому, как быстро с нами согласился. Богдан проводил красотку к ее столу, вернулся и достал из кармана черное жемчужное ожерелье: «Верный муж, подаришь своей супруге».

Мне было не по душе, что он дарит мне ожерелье, купленное вчера для кого-то другого. Он настаивал, отказаться и от «второго подарка» было неудобно, пришлось взять. А Сергей подарил ремень из змеиной кожи: «В 40 лет человек сбрасывает кожу, как змея. Не будешь носить – так повесишь на стене».

В тот вечер все тосты были адресованы мне. Один из моих друзей говорил о роман-

тике 40-летия, другой – о его мудрости. А мне вникнуть в эти слова не удавалось – в оглушающей музыке ресторана находилась безмолвная тишина и чужой колкий взгляд среди сотен смеющихся глаз...

Выйдя в полночь из ресторана я ощутил на спине чей-то недобрый взгляд. Обернувшись, заметил устрашающие глаза какого-то худосочного мужчины. Я его уже где-то видел, но вспомнить не мог.

Когда я сел в такси, его холодный как лед облик еще раз ожил в моей памяти. Я его узнал! Я видел его за день в трех разных местах: при выходе из дома одного диссидента в Санта-Кларе, на пляже и вот сейчас. Сергей тоже его заметил: «За нами следят!!!».

Друзья превратили в праздник первый день моего 40-летия. А в первую ночь своего 40-летия я лег в мягкую, как колыбель, постель, которая уже не пахла «химией». В самой надежной постели на свете меня отныне не пугала никакая слезка. Темная энергетика впившегося в спину взгляда тоже не имела надо мной власти.

...Вдруг посреди ночи я проснулся весь в поту: «За нами следят???».

Путь слова

После того, как Бог создал из глины человека и вдохнул в него жизнь, прежде всего он даровал своему созданию путь, не показал ему пункт назначения, но указал на начало пути, и судьбу его вписал в этот путь. Путь – второй по значимости дар Бога после его веления «Будь!».

Люди, прежде чем проложить путь к сердцам друг друга, нашли путь к пещерам друг друга. Затем вместе вышли на первую охоту человека. Путь охоты – первый прямой путь, на который вышел человек.

После возвращения с охоты, насыщения пищей, умиротворения начался путь от глаз к глазам. После того, как начавшийся от глаз путь перешел в сердце, возникла первая на свете любовь.

Интересно, кем был первый влюбленный в пещерном мире, какими были его первые слова?..

Вместе с путем первой любви параллельно ему начался и другой путь – путь ненависти. Жители пещер не переваривали первого в мире влюбленного и потому принялись к нему придирааться. Так возник первый про-

тест против правил. Первое свободное слово на свете было сказано ради свободной любви. И первый влюбленный человек на свете был первым борцом за свободу слова.

Пещерные вожди сразу смекнули, что свободное слово – вирус, а тот, кто его говорит – носитель этого заболевания. Так что они изгнали его из пещеры. Так появился первый на свете диссидент. Поверьте, всё так и было: как только у человека появилось самосознание, он начал самовыражаться, и, тем самым, стал жертвой своего слова.

Начавшийся с тех пор процесс всё еще продолжается...

Изгнанный из пещеры влюбленный поначалу был уверен, что одинокая свобода лучше взаимозависимости! Затем он боится хищников, например, динозавров, голода и холода, одиночества, чуть ли не сходит с ума от отчаяния. Меняет свое мнение и возвращается в пещеру – принимает самое тяжелое из условий. Первый на свете раб рождается именно в тот миг. Человеческий характер обретает новый оттенок – рабство.

Сущность рабства в потребности защиты, опеки. Вот уже тысячи лет человек не может отбросить эту привычку, потому что раб не только тот, кто пытается искать опеку, но и тот, кто эту опеку принимает.

Начавшийся с тех пор процесс всё еще продолжается...

Не успели мы выехать из города как нас оштрафовал дорожный патруль за то, что я припарковал машину в запрещенном месте. Здесь не к чему упрасивать: «Ей-богу, я остановился всего на пять минут». Полицейский чинно выписал штраф, получил полагающиеся 20 СУС, а я подумал: «Это плохая примета перед началом пути». Но мне понравились обходительность полицейского, то как он до мельчайших деталей, раз за разом, с азартом объяснял нам предстоящий маршрут. Даже информационные бюро стран первого мира не оказали бы такую услугу за такие деньги.

Еще до того, как здесь оказаться, мы решили съездить в отстоящее от Кубы на 800 километров Сантьяго-де-Куба на машине и вернуться самолетом. В Гаване мы составили список людей, с которыми следовало встретиться, сворачивая по пути в города. Встретиться с известными, уважаемыми общественными и политическими активистами провинции нам посоветовали друзья в Гаване.

Нам следовало запомнить имена, адреса людей в списке, а бумаги сжечь, они никоим

образом не должны были попасть кому-либо в руки. Друзья сохранили сведения во флешке в наручных часах Лечи, а список сожгли.

Эти флешки – удивительная штука, можно спрятать информацию размером с целую библиотеку в штучке размером с ноготок. Сейчас из всего делают флешки; ручки, медальон, брелок, кольца и т.д. Даже в голову не придет сколько секретной информации ты носишь с собой в медальоне на шее. А я список у себя в сумке не сжег, оставил бумаги, чтобы часто заглядывать, делать пометки, так как работать с бумагой удобнее. За это я еще поплачусь.

Машину мы арендовали день назад в CUBATUR в отеле «Nacional», контракт гласил, что мы должны сдать автомобиль в офис бюро, расположенный в отеле «Melia Santiago» в Сантьяго-де-Куба. Аренда автомобиля на день в CUBATUR обходится в 80-120 евро. Так как немецкие машины обходились дорого, я выбрал компактный «Chery», производства Китая. Бензин залил еще с прошлого вечера.

Литр бензина здесь стоит 1 евро. Для местного населения цены ниже. Нефтью страну за невысокую цену снабжает Венесуэла. Уго Чавес считает Фиделя Кастро своим наставником и потому частенько его навещает. Если б власти не разрешили туризм после

прекращения помощи из Советского Союза и если б не было Венесуэлы, возможно Куба не справилась бы с эмбарго США. Куба занимает особое место в Латинской Америке. Некогда она повлияла на эту часть мира своей романтической идеологией. Говоря о влиянии, я имею в виду экспорт диктатуры. Так что, новые диктаторы не захотели остаться перед ней в долгу.

...Перед тем как выехать утром на главную магистральную дорогу Кубы, раскинувшуюся от одного конца острова до другого, я волновался. Я впервые собирался водить машину за границей. Меня порядком напугала весть о том, что некий поляк сбил человека и вот уже два года сидит в тюрьме. Именно по этой причине я собирался водить лишь в светлое время суток.

Главная задача – выйти на указанную на карте магистраль «Autopista A1». Эту главную дорогу страны называли Nacional. Уже больше часа я не мог найти дорогу. Терпение готово было лопнуть. Нервы были на пределе. В конце-концов, я притормозил и обратился к какому-то молодому парню на обочине: «Дам тебе 10 CUC, сядь и выведи нас на магистральную дорогу». Он глядел на нас с подозрением, но сел охотно. И деньги потребовал вперед.

То ли сам он был туповат, то ли нас держал за тупых – разобрать я не мог. Когда мы свернули на лежащий перед нами мост и вышли на верхнюю трассу, он попросил остановить машину и сошел. Указал на прямой путь. Оказывается, всё это время мы кружили на шаге от главной трассы. Выходило, туповаты были мы сами.

На пути к городу Камагуэй я уже привык к рулю, никаких волнений не осталось, наоборот, я начал получать удовольствие от дороги. Легкий дождик поднял настроение. У первого встречного велотаксиста мы справились о том, где можно переночевать. «За мной», - скомандовал он. Я поехал за ним. Мое внимание привлекли его голые крепкие ноги, от вождения жилы на его ногах выглядели каменными. Его рубашка, на спине которой красовалась надпись «Робинио», была испачкана грязью из-под колес.

Культура вождения здесь очаровывала. Велосипедисты, извозчики тоже строго соблюдают правила. Остановившаяся на красном свете лошадь извозчика выглядела культурнее многих наших водителей.

Свернув через улиц пять, он привел нас в один дом. За эту услугу мы дали ему 3 CUC. Место было сносное, вот мы и решили

остаться, одна комната на троих – искать другого нет нужды. Отдохнув часок, мы вышли в город, искать местных активистов.

Камагуэй расположен в центре острова. Это третий по величине город страны. Столица одноименной провинции. Узкие улочки, бесчисленные тупики, кривые повороты города напоминают лабиринт. Говорят, город специально так заложили в прошлом, чтобы скрываться от пиратов, взять перевес в уличных боях.

Мы встретились до самого вечера со многими людьми в церкви, библиотеке, квартирах и домах. Самая запоминающаяся встреча состоялась с Натальей. Мы навестили ее у нее дома. Ее мужа арестовали за политические взгляды. Она говорила с нами на чистейшем русском. Мы узнали, что она из Украины, бывшего Ворошиловграда. Она не знала, что название города давно сменили на Луганск. Говорит, приехала на Кубу в 1975 году. В ту пору она влюбилась в своего кубинского сокурсника, затем они поженились и приехали сюда. Раньше она получала письма от семьи, а теперь связь полностью оборвалась. Она смотрела на нас так, будто видела родных. Когда мы спросили жалеет она или нет что приехала сюда, вместо ответа у нее из глаз полились слезы.

Квартира напоминала русский деревенский дом. Всё в доме старое, вещи полностью обветшавшие. Чувствовалось, она на протяжении долгого времени не ест досыта. После того, как арестовали мужа, ей стало совсем худо. Раньше работала на табачной фабрике. А сейчас работу ей нигде не дают, нет денег, нет еды, нет детей и надежды нет. На этом острове у нее ни одного родного человека. Единственное, что у нее осталось – приятные воспоминания о молодости, прошедшей на родине. Ее хорошо поймет тот, кто сам тоскует по родине.

Единственный ее друг в полуподвальной квартире – одиночество. Она была не из тех женщин, кто гордится «гордым одиночеством», она была беспомощна и никому не нужна. Самое нестерпимое одиночество – это одиночество женщины, увязшей в нищете. У нее накопилось долгов соседям около 30 СУС. Я дал ей 50 СУС, то есть около 50 евро. Это было первое проявление местничества с моей стороны на Кубе, ведь мы оба люди советские! Своим положением Наталья напомнила мне слова советского писателя-эмигранта Сергея Довлатова: «Деньги, скажем, у меня быстро кончаются, одиночество — никогда...»

Я вышел из квартиры с тяжким камнем на сердце. Будь проклят деспотизм! Здесь ради счастливого будущего эксплуатируют людей, унижают их. На Кубе в фабрике, где некогда работала Наталья, один работник за день производит 200-300 сигар. Государство продает одну сигару за 3 доллара. Один работник производит за месяц сигар на сумму 18-25 тысяч долларов. А взамен получает зарплату в размере 10-15 долларов.

...Вернувшись вечером в снятую квартиру, мы увидели, что хозяйка о чем-то серьезно говорит с двумя людьми. Нашего прихода не ждали. Как только чужаки спешно ушли, мы сразу почувствовали испуг хозяйки. Она безуспешно пыталась это скрыть. Мы быстро прошли в комнату и проверили свои чемоданы. Они в них копались, но ничего не взяли.

Значит, и здесь за нами следят!

Ужинали мы как ни в чем не бывало. Мы изменили план и не сказали хозяйке, что уедем с утра. Когда мы встали утром и собрались в путь, хозяйка растерялась, она не ожидала такого скорого ухода. Но, возможно, она радовалась, что эти странные гости так скоро уходят.

Перед тем как выйти я справился у нее о дороге в Гавану. Хотел запутать следы. Я не

сомневался – она сообщит куда надо, что мы покинули город.

Когда они ждали нас на дороге в Гавану, мы уже держали путь в Холгуин...

Я сидел в машине и солнце всходило с моей стороны. Будто хотело сказать: не бойтесь, я здесь. На широкой двусторонней дороге машины появлялись изредка. Мне, привыкшему к пробкам и стопотворению машин, водить на пустой дороге доставляло особое удовольствие. Но всё внимание сосредоточилось на зеркале заднего вида. Хвоста за нами не было. Значит, удалось улизнуть.

Мое внимание привлекали люди в желтой униформе на остановках по всему пути. Это были не военные, какие-то спецработники. Я припарковался у маленького кафе, чтобы позавтракать, и снова увидел людей в униформах. У сидящих за соседним столом мы узнали: это дорожные контролеры, на деле их должность состоит в регулировании работы общественного транспорта, но они также отмечают в тетрадях кто в какое время садится в определенный автобус и куда едет. Это – простейший способ держать население под тотальным контролем. На Кубе прописка дело серьезное, нарушение карается арестом.

В Холгуине мы встретились со многими, самая запоминающаяся встреча состоялась с молодым писателем Луисом. Я быстро заметил в его квартире с земляным полом книги, пишущую машинку, гантели разных размеров, ему сострадала и святая Мария, смотрящая из рамы на стене. Так как у Луиса нет шансов на публикацию своих произведений, он делает переводы из иностранной литературы. Тем и перебивается. У него нет права на выбор любимшейся литературы, право выбора в руках государства. Я говорю ему: многие советские писатели и поэты тоже перешли на перевод когда оказалось, что их собственные произведения не печатают. Он слушает с интересом.

Действительно, перевод – прибежище для непечатающихся писателей в диктатурах.

«Она мне и любовница и мать», - говорит он, указывая на старую, ржавую пишмашинку. Трогательная картина. Решение подарить ему компьютер нашего переводчика долго не обсуждалось. Сам я не люблю брать в дорогу компьютер, не то подарил бы свой. Мы убедили его и пообещали, что как только вернемся – получим компьютер самой последней модели у Комитета по Правам Человека.

Что могло бы быть более благим делом, чем решение подарить компьютер арестованному за свободу слова и сосланному в Холгуин Луису... Книги, которые мы принесли, тоже пришлись ему по нраву.

Как знать, может самое великое произведение 21-го века напишется именно на том компьютере. Может, мы встречались с Маркесом нового века. Видеть бы вам его радость... Жаль, у меня не хватает способностей эту радость описать. На его лице расцвели самые чистые чувства, которые Бог дарует человеку еще в материнской утробе.

Глядя на него я думал, что вижу первого на свете борца за свободное слово, который миллионы лет назад был изгнан из племени, выброшен из пещеры за свои слова.

...Может, если бы первый на свете борец за свободу слова не был бы изгнан из пещеры человечество всё еще находилось бы в этой пещере?! Как знать...

Страшное Гуантанамо

Если б меня спросили в чем сила дьявола, я бы не раздумывая ответил: в страхе, живущем в человеческом сердце. Во главе любой борьбы стоит борьба человека со своим страхом. Сын человеческий ведет эту борьбу с самых незапамятных времен, когда еще только-только формировалась его сознательная жизнь.

Самая желанная победа – победа над страхом. Самые торжественные мгновения на свете – те, которые ты испытываешь по ту сторону страха, оставшегося позади. Первый навык человека – покорение устрашающего огня, появившегося от ужасной молнии и возможность согреться от его тепла. Охота на мамонта, на которого наши предки шли с большим страхом, его добыча и приготовление – означали преступание страха и испытание наслаждения...

Если б Спартак вместе с 70 своими сторонниками не подавил бы страх в своем сердце раба, он не поднял бы восстание! Если Меджнун, не побоявшись ничего, не раскрыл бы свое сердце источнику жизни – Лейли, он не стал бы Меджнуном, так и остался бы Гейсом.

...Пространство мышления страха узко. Здесь находится лишь инстинкт выживания. Страх в сердце человека – генератор чувств, ищущий постоянно пути для того, чтобы остаться невредимым.

Жизнеобеспечение страха состоит в том, что он балансирующая сила – в страхе есть баланс, но это не гармония. Все полководцы создали свои армии с помощью баланса страха, также и все короли создали свои государства. Сила всех религий в страхе перед Богом, Судным днем.

... но Страх – изнанка Свободы. На первый взгляд свобода перекликается с хаосом. Это не так. Ее хаотичность напоминает «хаотичный» порядок звезд на небе, ее гармония в божественном порядке. Пространство ее мышления широко, чуть ли не от звезд к звездам.

Прогрессивное человечество обратило страх в свободу и тем самым нашло путь спасения. Человек понял, что свободный солдат сражается лучше раба, свободный человек по сравнению с рабом – верный гражданин, любовь свободного человека к Богу – более искреннее поклонение, чем страх раба.

... Что поделаться, страх, как и жажда свободы, вечен, умирает сегодня, но завтра уже оживает – их битва бесконечна, как у Добра со Злом!

На четвертый день нашего пути мы доехали до очередного города на автобане Гавана – Сантьяго-де-Куба. Баямо расположен на пересечении магистральных автомобильных и железнодорожных путей. Река Баямо, разделяющая город на две части, радует глаз зелеными берегами. Но и здесь, как и у нас, новый асфальт лишь у главной улицы, фасады зданий окрашены, тротуары подметены, а внутренние улицы в ужасном состоянии.

Мы остались здесь на одну ночь. Утром я передумал. Я, будучи за границей, нередко так поступал и шел в первом пришедшем на ум направлении. Запоминаются именно такие полные приключений дороги. Надо бы написать книгу о таких «поездках». Дай Бог!

Я убедил друзей и дважды отклонился с намеченного маршрута. На одном из поворотов мы изумились банановым садам вдоль дороги. Здешние бананы не такие красивые как у нас на базаре, они маленькие, с пятнами на кожуре, но вкус... Разница во вкусе между продающимися у нас бананами и бананами в садах Кубы точно такая же как между нашими яблоками «тызылэхмеди» и привозными яблоками из Аргентины, которые не теряют «свежести» несколько сезонов.

Радость сельских рабочих, трудящихся на плантации сахарного тростника, при виде нас напомнила мне радость школьников, отправляющихся на сбор хлопка. Мы притормозили машину и захотели поинтересоваться житем-бытьем. Они, смеясь, поприветствовали нас выкриками «Hola! Hola!», то есть «Привет! Привет!». Но тут один прикрикнул на них и повисла тишина, будто бросили камень в лягушатник, склонив головы они вернулись к работе. Вероятно, это был их бригадир. Подарив фальшивую улыбку этому «бригадиру» с недовольным лицом, я вернулся в машину.

Первое «отклонение от маршрута» завершилось в Манзанилло, что у берега залива Гуаканаябо.

Вторым незапланированным местом, куда мы отправились, стал Гуантанамо, привлекавший нас одним своим названием. Единственным человеком, с которым там можно было встретиться, был бывший юрист Педро, долгие годы живший жизнью политзаключенного, а теперь больше известный как религиозный служитель (*все имена в этом цикле очерков изменены – автор*). Мое предложение понравилось и друзьям.

Мы свернули налево от главной дороги Кубы «Autopista A1» и направились в сторо-

ну Гуантанамо, чье название не сходит с новостных лент во всем мире. Настроение было хорошим. Мой московский друг, этнограф, самый тихий чеченец на свете Леча напевал себе под нос некогда гремевшую песню Муслима Магомаева «Гуантанамера» и это придавало особый фон пейзажу за окнами автомобиля. Оказывается, «гуантанамера» означает «девушка из Гуантанамо».

Мы ехали уже несколько дней. Оставили позади около тысячи километров, но не встретили по пути ни одного полицейского. Увидев полицейский пост с шлагбаумом, поняли – это особое место. Думали, нас не остановят, ведь мы туристы, но ошибались. Лишь спустя некоторое время мы узнаем: нас остановили именно потому, что мы туристы.

Забравший наши паспорта молодой полицейский вернулся ровно через полчаса. Так как в этой провинции расположен известный тюремный лагерь США Гуантанамо, здесь главенствует серьезный режим. Здесь жарко, нет исторических памятников и центров отдыха, поэтому туристы тут появляются крайне редко. А тот, кто появляется, проходит серьезную проверку. Нас тоже проверяли, однако было подозрительно, что обычная проверка так затянулась.

Мы уловили, что за нами неоднократно следили. Неоднократно видели шпионов, увязавшихся за нами после встреч с представителями политической оппозиции, находящимися под полицейским контролем.

Мы были уверены: они сообщили о нас в центр и теперь ждут инструкций. Только теперь мы понимали, что наш приезд в незапланированное место – ошибка. Мы обсудили между собой что скажем, когда откроют чемоданы и увидят политическую литературу, спросят о цели визита, найдут в медальон-флешке на шее Лечи список с именами и адресами около пятидесяти общественных активистов по всей стране, с которыми мы уже встретились или собирались встретиться. Я не сказал друзьям, что один экземпляр этого списка все еще у меня в сумке, когда те сожгли свои я свой оставил. Если б сказал, то вызвал бы лишнюю тревогу, беспокойство. Я и так рассказывал им о снятом англичанами фильме «Дорога на Гуантанамо», описывал страшные тамошние пытки и шутил. Я делал это для того, чтобы сломать как лед нависшее холодное молчание, тоскливый страх. Достать и изорвать на мелкие клочки бумаги со списками было уже поздно, салон машины просматривался как на ладони, контролировалось каждое наше движение.

Сердце тех, кто недавно распевал «Гуантанамеро», теперь охватил страх. Страх вызывал спазмы в животе, это всегда так, человек ощущает страх в первую очередь в животе.

Я старался прочесть не только каждый шаг возвращающегося с нашими паспортами полицейского, но и каждое движение его руки, каждую черточку лица. Что он скажет? Что предпримет? Арестует ли нас как разоблаченных шпионов?

Я собрал волю в кулак и никоим образом не позволял нутряному страху разлиться по лицу. Если ущипнуть пальцами мочку уха – можно сделать нечувствительной боль в другой части тела и точно так же изгнать из сердца страх. Это нам сказал Леча, во всяком случае чеченцу о таких вещах знать лучше. Я так сильно сжал ногтями мочку уха, что лишился не только страха, но и чуть ли не ума. А полицейский возвращаться не хотел; он то и дело останавливался и беседовал с другими полицейскими. Каждый раз, когда он так останавливался, замирали и наши сердца.

Наконец, полицейский подошел к нам. Вернул паспорта, не сказал ни слова, просто, фальшиво улыбнулся, как я некоторое время назад «бригадиру». Ясно, нас отпустили, хотели знать куда и зачем мы направляемся, с кем собираемся встретиться.

...Свобода, последовавшая после страха, объяла нас. Радость наша не вмещалась в салон автомобиля, переливалась через край и рассеивалась по всей округе...

Ища Педро на улицах Гуантанамо, чьи здания напоминали солдатские казармы, ища его поначалу дома, затем в церкви, встретившись в комнате с различными иконами, последовав за его велосипедом к нему домой, мы не знали, что этот диссидент, наделавший шумиху своими политическими стихами и статьями, сослан в эти края как самый опасный враг власти, общения с ним боятся даже соседи и церковные служители. За таким следит не одна пара глаз.

Выезжая из Гуантанамо я понимал: визит в эти края был серьезной ошибкой. Но уже было поздно. Случится то, что должно случиться. Они знали наши паспортные данные, номер машины, выйти из-под контроля казалось невозможным. Хотелось лишь одного: спокойно доехать и сдать машину. Лишь бы не было какого-нибудь несчастного случая, лишь бы не устроили подставную аварию. Совсем не хотелось очутиться в кубинской тюрьме.

Как только мы доехали до Сантьяго-де-Куба первым делом нашли отель «Melia» и сдали машину в местный офис CUBATUR.

Осмотрели комнаты отеля, не могли решиться остаться или нет, так как были уверены, что за нами следят, а при таком раскладе оставаться в отеле – неверный шаг. С другой стороны, разве не могли они за нами следить где угодно?!

Мы вышли и нашли в городе съемную квартиру. Квартира принадлежала пожилым супругам, сдающим одну комнату туристам. Их недавно женившийся сын тоже жил здесь со своей супругой. Отец с сыном целыми днями сидели в кресле-качалке и смотрели телевизор под вентилятором. На Кубе популярен государственный канал Венесуэлы, как турецкие каналы у нас. Видимо, канал этот не допускает никаких политических «ошибок», вот и разрешают его трансляцию.

После происшествия в Гуантанамо мы решили отложить все встречи и только лишь гулять да отдыхать, как настоящие туристы. В конце, за несколько часов до вылета мы согласились встретиться лишь с одним человеком – священником отцом Карреро. Мы согласились, чтобы молодой парень, которого хозяйка назвала «соседским сыном Диего», выступил для нас в роли водителя, и это стало нашей следующей ошибкой, о чем мы узнаем в день отъезда из города.

В течение двух дней днем мы по совету Диего посещали музеи и исторические памятники, а вечером развлекались в ресторанах.

К единственному человеку, с которым мы собирались встретиться в Сантьяго-де-Куба, мы поехали на другом такси. Мы на всякий случай не хотели, чтобы Диего знал с кем мы собираемся встретиться. Беседа со священником отцом Карреро была так же интересна, как висящие на стене его комнаты сюрреалистические полотна. На первый взгляд ты не можешь разобрать что здесь нарисовано, затем различаешь разных животных и насекомых, приглядевшись повнимательнее, видишь, что даже рога животных, хвосты насекомых, лепестки цветов в форме серпа и молота – символа коммунистов. Я старался понять смысл картин. Я сфотографировал те картины, хотя священнику это не понравилось. Когда я задал вопрос о картинах, он всего лишь улыбнулся, отвечать не стал. Тем самым хотел сказать: не спрашивай того, что знаешь!

Самый известный религиозный служитель страны, беседующий с незнакомыми людьми на любые темы, осторожничал. Этот милостивый священник, не желающий говорить с нами в открытую, сказал немало интересного. Никогда в жизни я не видел такого умного

служителя религии. По сравнению со многими нашими муллами и ахундами, он был очень образован, знал чуть ли не всё. Слушая его, я понимал: передо мной интеллигент, говорящий с настоящей душевной болью о судьбе своей страны, ее правительстве, политической оппозиции, диаспоре, обществе. Дело было вовсе не в том, что нам он не доверял, его слова могли подслушиваться органами спецслужб. Так что, далеко он не заходил, однако даже обычная его речь позволяла прочувствовать глубину его ума, широту сердца.

Попрощавшись с ним и сев в такси, я сделал в тетради следующие заметки: «Героизм не в том, чтобы быть представителем власти и проклинать оппозицию, либо наоборот, быть оппозиционером и проклинать власть, отважный человек будучи во власти не боится ее критиковать, будучи оппозиционером не боится критиковать ее лидера. Но лучше вообще не находиться ни здесь, ни там, в таком случае границу своих слов очерчиваешь собственноручно, сам их контролируешь».

Пять лет спустя я вновь увидел отца Карреро в Кракове при получении специальной награды на конференции, посвященной десятой годовщине «Общества Демократий». И лишь тогда понял этого благородного муж-

чину. Оказывается, этот человек, которого неоднократно арестовывали и каждый раз отпускали по настойчивому требованию Папы Римского, не только слугитель религии, но и выдающийся борец за свободу...

Приехал Диего со своей девушкой, чтобы отвезти нас в аэропорт. За эти дни мы по-настоящему сдружились. Наверно, поэтому высадив нас, он дожидался до самого отлета. Но ушел он внезапно, взял девушку за руку и сказал, что хочет уйти, они обнялись и распрощались с нами. Как только они вышли из зала, к нам подошла группа людей, одни в штатском, другие в военной форме. Только теперь я понял: Диего дожидался, чтобы выдать нас.

- Предъявите документы! Следуйте за нами!

Вот и конец! Следуя за ними, я проклинал себя за то, что не уничтожил лежащий в сумке список с именами и адресами политических оппозиционеров, диссидентов, общественных активистов.

Я ощущал внутри себя Страх как груз, справиться с которым был не в силах. Больше ни одно средство Лечи от страха не могло прийти мне на помощь.

...Надежда, как всегда, оставалась лишь на Бога!!!

Радость конца

«Хотел бы, чтобы меня повесили как коммуниста, при одном условии: пусть перед словом «коммунист» на моей груди будет написано «последний»!»

Худу Мамедов

Да славится воля Творца: каждой вещи, каждому живому существу положен предел, как и начало: однажды родившийся однажды умирает, однажды начавшееся однажды завершается. У твоего пути и мира, в который ты пришел есть как стартовая точка, так и финиш. Когда возникли эти горы, реки, небесные светила?! А когда разрушились, высохли, угасли горы, реки и светила, от которых на сей день ничего не осталось?! Расстояния между началом и конечными точками различны, различно и время, измеряющее это расстояние – смотря кто измеряет...

Пусть тебе не кажется длинным время от возникновения солнца до того дня, когда оно погаснет, самое протяженное время между возникновением и концом не это! Самое протяженное время находится между нача-

лом человеческих бед и их завершением! Еще и потому, что «Жизнь тирании длиннее жизни тирана» (Виктор Гюго).

Всё начавшееся постепенно разрастается. Как хорошо, что всё начавшееся когда-нибудь завершается, не то избыток всего может обернуться трагедией: вода может обернуться паводком, воздух бурей, подземные газы землетрясением, деньги самодовольством, безденежье падением нравственности, власть тиранией...

Нас привели в комнату управления безопасности аэропорта Сантьяго-де-Куба. Проводили внутрь и приказали положить сумки на стол в углу комнаты, выключить телефоны. Вышли, закрыв дверь. Кроме четырех столов и семи-восьми стульев в комнате больше ничего не было. Сквозь одно маленькое окошко просматривался хвост самолета, сквозь другое – открытое небо.

Мы прождали где-то полчаса. По-русски между собой не говорили, нас могли бы понять. Так что, я обращался к переводчику Эльнуру на азербайджанском. Говорил ему, чтобы он переводил лишь то, что скажу я, перед тем как ответить на заданные ему

вопросы – переводить их мне, не вставлять ни одного своего слова. В ту пору Эльнуру шел 21 год. Я шутил, громко смеялся, чтобы он не боялся, но в то же время старался объяснить – следователи мастерски умеют вытягивать нужную информацию.

С московским другом, чеченцем Лечой мы перекинулись парой слов. Из моих чудных фраз он понял: наши слова не должны расходиться, то есть мы партнеры по бизнесу, я в Баку, он в Москве, у нас совместный бизнес, а молодой человек – студент, приехал с нами усовершенствовать свой испанский.

Шли минуты, но никто не появлялся. Время вылета самолета осталось позади, возможно, он уже улетел. Беспокойство narosло до предела. Будут допрашивать, в этом я не сомневался. А время тянут специально. Наверно, наблюдают за нами со стороны, наблюдают за поведением, подслушивают наши слова. В такой ситуации надо быть хладнокровным, иначе – пропал!

По пути Эльнур слушал на телефоне арии молодого исполнителя роли Кёроглу⁸ Рамиля Гасымова. Эльнур влюбился в его исполнение. Именно потому я завел речь о

⁸ Опера (1936 г.) азербайджанского композитора Узеира Гаджибекова по мотивам одноименного эпоса.

Кёроглу, вспомнил то, как его обманул Кечял Хамза, как он попал в темницу Джалил-паша и сравнил с нашим нынешним положением. Мои шутки подняли Эльнуру настроение. Смеялся и присоединившийся к нам Леча, хотя ничего и не понимал. Страх можно одолеть и шутками, упростить самое серьезное положение вещей. Пусть те, кто за нами наблюдают, увидят: мы простые туристы, весь мир нам ни о чем.

Всё это находилось на поверхности. А внутри мы беспокоились. Надо было быть готовым к любому повороту событий. Я даже ожидал, что принесут камеру, изобличат нас как врагов кубинской революции, а затем разнесут на весь мир, что «империалистические силы покушаются на свободу кубинского народа». Я думал в первую очередь потребовать послов России и Турции. И не отвечать ни на один вопрос пока не придут послы. Я решил, что учинить политическую шумиху, опередив их, пойдет нам на пользу.

Я успокоил себя этими соображениями. Был готов ответить на все вопросы, боялся лишь обнаружения списка в моей сумке. Вот и расплата за то, что вовремя его не уничтожил. Я отдавал себе отчет насколько большой политический скандал возникнет, когда

они, порывшись в моей сумке, найдут список, увидят фотографии этих людей в моем фотоаппарате. А задумавшись о том, что они могут прибегнуть к пыткам, я чуть ли не потерял рассудок.

Но было уже поздно. Если бы обнаружили список и фотографии, не оставалось ничего иного кроме выступления с политическими заявлениями. Я принялся бы проклинать коммунистов, сказал бы, что за эти пятьдесят лет они привели народ в бедственное положение. Я принялся бы во весь голос кричать: некогда коммунисты поработили и наш народ, а теперь в этом жалком состоянии находятся и бедные кубинцы. О последствиях своего истерического выступления я уже не задумывался.

Наконец, дверь открылась. Вошли трое, средних лет, в гражданском, спортивного телосложения. Сели за главный стол. Первым начал я. Спросил почему нас сюда привели, сказал, что опаздываем на самолет, потребовал обратно паспорта. Один из них, больше похожий на мексиканца, чем кубинца, не обратил внимания на мои слова, указал место для сидения и принялся сам степенно задавать вопросы.

- Почему вы сюда приехали?

- Мы туристы, приехали погулять, отдохнуть...

- Почему для отдыха вы выбрали Кубу?

- Нам нравится здешнее море и климат.

И девушки здесь красивые...

- В ваших краях нет красивых девушек?

- Вы не хотите, чтобы туристы приезжали на Кубу?

- Хотим! Смотря кто приезжает...

- Мы вам не нравимся?

- Здесь вопросы задаю я.

- Не понял! Мы что, на следствии? В таком случае, мы потребуем послов России и Турции.

Кажется, эти мои слова возымели действие. Тембр его голоса смягчился:

- Чем вы занимаетесь?

- Мы бизнесмены. Я отправляю из Баку овощи. А друг продает их в Москве.

Я не смог разобрать поверил ли он моим словам. Затем он что-то спросил у Эльнура. Когда Эльнур захотел ответить я не позволил, потребовал мне перевести. Сидящий за столом прикрикнул на Эльнура и потребовал отвечать лишь на его вопросы. Увидев это, я тоже повысил голос. Мой молодой друг остался между Сциллой и Харибдой.

Один из них встал, прошел за наши спины. Это было предпринято для психоло-

гического давления. Каждый раз, когда шагающий за спиной человек приближался к столу с нашими чемоданами, у меня душа уходила в пятки. Моя душа находилась в сумке, в тамошнем списке, как у Кощея в яйце. Они могли его достать в любую секунду.

Я сказал «мексиканцу» задавать все вопросы мне. Эльнур всего лишь переводчик. Спорить было бесполезно; в конце-концов вышло так, как хотел он. Оставив нас в покое, он задавал вопросы Эльнуру, видимо надеялся, что надавить на молодого, неопытного человека, вытянуть у него информацию легче. Я не понимал его слов, потому не сводил глаз с лица Эльнура, будто старался прочесть по его лицу о чем идет речь, какие чувства Эльнур испытывает.

Затем он задал пару вопросов Лече, например, «Разве в самой России нет помидоров с огурцами, зачем вы у них покупаете?». Таким образом, допрос затянулся на целый час. Вдруг главный следователь встал и перешел на чистейший русский. Его переход на русский шокировал нашего переводчика. Теперь перед нами стоял совершенно другой человек, он полностью изменился и время от времени кричал, агрессивно жестикулируя. Сказал, что знает где мы были, с кем встреча-

лись, о чем говорили. Он перечислил все города, где мы были, но людей, с которыми мы встречались, не упомянул. Может, он врал, блефовал. Мы полностью опровергли его слова, сказали, что он нас с кем-то спутал. Однако пользы это не возымело.

Нам пришлось его выслушивать еще около двадцати минут. Он говорил, что «империализм никак не сможет повлиять на их славную революцию», «капитализм в скором времени сгниет и выйдет из строя», «коммунизм одержит победу во всем мире».

Я не понял, отдавал ли он себе отчет, что эти слова бессмысленны для граждан стран, похоронивших коммунизм либо говорить эти слова – его служебная обязанность. Свою длинную речь он завершил следующими словами: «Скажите своим друзьям, что кубинская революция вечна, никто ее не одолеет. Люди же, с которыми вы встречались – отбросы нашего социалистического общества. На этот раз мы вас отпускаем. Знайте, таких как вы туристов, видеть в своей стране мы не хотим».

Он что-то сказал на испанском. Двое других его соратников открыли дверь, проводили нас до самолета, вернули на трапе паспорта.

Это был знак: режим смягчился.

Сев в самолет, мы ощутили на себе полные ненависти взгляды остальных. Ведь им по нашей вине пришлось прождать около двух часов.

Так как спустя день, покидая страну, мы снова должны были перейти воздушную границу, долетев до Гаваны я первым делом прямо в аэропорту разорвал на клочки список из своей сумки и спустил в унитаз. Моя душа больше не уходила в пятки. Мне стало легче, я сбросил камень с сердца.

В последний день я никуда не выходил, остался дома. В конце мысленной анархии пришел к тому выводу, что в тоталитарных обществах, как и в свободных, люди равны. Но если в одном они значат всё, в другом – ничего!

Наутро по пути в аэропорт я заметил старенький советский «Жигули», я не поверил своим глазам: на заднем подпрессе автомобиля красовался плакат для выборов кандидата в президенты США Барака Обамы с надписью «Обама. Биден». Я растолковал это как конец начавшейся пятьдесят лет назад тирании, на Кубе начинался КОНЕЦ...

Уезжая, я понимал, что влюблен в эту изумительную страну, ее простодушных

людей. В таких странах, как Куба, отчетливее ощущается сладкий вкус свободы.

Наш самолет взлетает. Под облаками остров Куба – родина людей, не теряющих надежду на обретение свободы и счастья. А над нами Бог! Да славится воля Творца, положившего предел всему сущему – однажды возникшее однажды завершается. Как и фашизм, коммунизм, деспотизм да и любые другие «измы». Как и людское страдание.

...Мой визит на Кубу подошел к концу. Из всего, что я увидел и услышал, получилось 9 очерков. На самом деле, хотелось написать гораздо больше. Осталось то, что я пока не осилил, еще не время, когда настанет время я, наверное, еще раз вернусь к этой теме...

Май – июль, 2011

*Перевод с азербайджанского
Ниджата Мамедова*

